

ОЛЬГА ГОЛОТВИНА

ПАСЫНКИ ГИЛЬДИИ

Гильдия

Ольга Голотвина
Пасынки Гильдии

«Автор»

2008

Голотвина О. В.

Пасынки Гильдии / О. В. Голотвина — «Автор»,
2008 — (Гильдия)

Напрасно жителям города Аргосмира казалось, что все передряги остались позади. В течение двух дней столицу Гурлиана всколыхнули новые беды, одна серьезнее другой. И ни знаменитому Подгорному Охотнику Шенги, ни его собратьям по Гильдии не удалось остаться в стороне от бурных событий. Но кто он, загадочный чародей, вмешавшийся в противостояние города и тайных недругов Гурлиана?.. А трое учеников Шенги и не подозревают, какую коварную неожиданность приготовила им «мачеха-Гильдия»...

© Голотвина О. В., 2008

© Автор, 2008

Содержание

1	5
2	26
3	43
4	56
5	67
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Ольга Голотвина

Пасынки Гильдии

*Посвящается моей верной читательнице Анне Зангиевой,
запустившей в Подгорный Мир чешуйчатого ползуна*

1

Аргосмир просыпался – присмиривший, нарядный и умытый, словно ребенок, которого родители ведут в храм. Он и был сейчас ребенком, этот город, вспомнивший, что люди – не высшее и не главное в мире, сотворенном богами. Святилища, куда весь год горожане шли со своими горестями и надеждами, в этот день стали средоточиями силы и власти, семью сердцами города, семью престолами Безликих Повелителей, в грозном молчании ожидающих почестей, положенных им от сотворения мира.

Но далеко не все в столице Грайана были настроены столь благостно и мирно. Например, никакого праздничного оживления не читалось на худом, с острыми чертами лице женщины, что сидела на заросшем мхом большом камне. Холодный ветер с моря, долетавший сквозь бедные окраинные дворы на этот пустырь, заставлял ее кутать плечи в старую шаль. Женщина делала это рассеянно, не отводя взгляда от лежащей у ее ног груды небольших свертков из темной материи.

Обступив валун полукольцом, несколько мужчин ожидали, когда она заговорит.

Окажись на пустыре случайный прохожий – кинулся бы наутек при виде разбойничьих рож этих оборванцев. И прав был бы этот прохожий: от такого сброда лучше держаться подальше. Целее будешь.

Но сейчас бродяги держались с почтительностью, которая плохо вязалась с их не внушающим доверия видом.

Наконец женщина спросила сурово:

– Хватит огня-то?

– Хватит, королева! – первым успел отозваться смуглый парень с перебитым носом и черными сальными патлами. – А надо будет – и кровью город умоем!

– Грозный какой выискался! – строго и насмешливо одернула его женщина. – Сегодня огонь дороже крови. Жабье Рыло насчет резни приказа не давал... Проверили, как эти штуки горят? Что-то у меня нет веры этому алхимику.

Бродяги истово закивали, хором заверяя «королеву», что да, сожгли они один запал – хорошо горит, искры рассыпает... не угодно ли ей самой убедиться?

– Нет, они нам понадобятся все, – улыбнулась женщина уголками губ. – Увижу, как они горят, уже в деле. Сама одну штучку понесу, под шалью ее легко будет спрятать. Мне, пожалуй, нужен будет спутник, вроде как муж, чтобы отвлечь внимание.

– Я!.. – истово выдохнул смуглый парень с перебитым носом.

Женщина скользнула по нему равнодушным взглядом:

– Не с твоей рожей... Со мной пойдет Мордастый, только его надо одеть поприличнее. Собирайте это богатство в мешок, парни, поделите между кем надо. Не подведите Жабье Рыло! Пусть пожары начнут перемигиваться меж собой из конца в конец города!

Бродяги поспешно принялись укладывать свертки в рогожный мешок. А «королева», встав с валуна, отошла на несколько шагов и небрежно поманила рукой оборванца со сломанным носом. Тот ринулся к ней, словно верный пес, которого позвала хозяйка.

– Пойдешь к Шершню, – приказала женщина. – Скажешь ему: Гиблая Балка отзывается на слово Жабьего Рыла не хуже, чем Бродяжки Чертоги. Скажешь: мы помним, кто наш господин.

Сияющая улыбка фаворита разом исчезла со смуглой физиономии оборванца.

– Шершень! – Он произнес это имя так, словно выплюнул что-то ядовитое. – Ну на кой Жабье Рыло поставил над нами чужака? Своих, аргосмирских не нашлось?

– Вот пойд и спроси у «ночного короля», – насмешливо посоветовала женщина.

Оборванец был так рассержен, что не обратил внимания на издевку.

– И чудные они какие-то, Шершень с его друзьями. Сами с собой разговаривают – сдохнуть мне без погребального костра, если вру!

– Да, – посерьезнела «королева». – Разговаривают. Трактирщик, у которого они живут, на всякий случай за ними подглядывает да подслушивает. Так он мне сказал, что в Шершня и его подручных вселились души каких-то колдунов.

– Это как? – От изумления парень даже забыл про злость.

– Сама не понимаю, – честно ответила «королева». – Но когда они сами с собой разговаривают – это не сами с собою, а... – Тут женщина спохватилась: – А вообще не наша это забота. Лучше пригляди, чтобы все свое дело знали: и те, кто поджигают, и те, кто огонь тушить мешают, и те, кто подстрекают аршмирский люд на мятеж!

* * *

Шерайс Крылатая Мысль, молодой жрец Того, Кто Хранит Всякую Неразумную Тварь, еще с вечера навел порядок в своем маленьком деревянном храме. Даже смахнул пыльные полотнища паутины, которые обычно не трогал, объясняя это тем, что паук – неразумная тварь, а стало быть, здесь даже ему кров и защита.

Это, конечно, было отговоркой. Шерайсу просто лень было тыкать метлой по темным углам. Да и для кого особенно стараться?

Год назад Шерайс впервые перешагнул этот порог и хозяйским взглядом обозрел каменную плиту с углублением, в котором горел огонь, кувшин с вином на одном углу плиты, бронзовую чашу с зерном – на другом, ящик с растопкой в углу полутемного помещения... ах, как счастлив он был тогда!

Прежде, будучи учеником, Шерайс обязан был возносить молитвы всем Безымянным. Он был ничей, он не знал, кто из богов призовет его на службу.

По обычаю, который за века освятили благосклонным молчанием Безликие, ученик может стать жрецом лишь в двух случаях: либо где-то умрет жрец и опустеет место у жертвенника, либо будет воздвигнуто новое святилище. И как же боялся Шерайс, что придется ехать в глухомань среди болот и принять жертвенник в старом сарае, куда приходят крестьяне из дальних деревень совершать свадьбы и погребальные обряды, а расплачиваются туесками с клюквой да крынками козьего молока. Это страшило Шерайса даже больше, чем возможность проторчать в учениках чуть ли не до старости.

Сказочной удачей казалось принять служение в одном из семи храмов столицы!..

Угу. В самом жалком из храмов.

Во всем городе только два святилища, где служит лишь по одному жрецу. Вот одно из них Шерайсу и досталось. Конечно, на все воля богов, но ведь обидно же!..

Какие толпы молящихся ежедневно стекаются в храм Того, Кто Зажигает и Гасит Огни Человеческих Жизней! Шестеро жрецов служит там! Шестеро!

Как охотно сыплют моряки серебро и медь на жертвенник Того, Кто Колеблет Морские Волны! А потом они спешат в храм Того, Кто Повелевает Ветрами, а оттуда идут почтить Того, Кто Движет Светилами.

Щедрые приношения получает и Тот, Кто Одевает Землю Травой. Правда, в столице растений всего-то – маленькие садики возле богатых домов да ящики с овощами на крышах у рачительных хозяек. Но горожане помнят, кому они обязаны ковригой хлеба на столе.

Чаще пустует святилище Того, Кто Потрясает Землю. Но разве можно совсем пренебречь таким грозным божеством! Если поток пожертвований оскудевает, жрец (единственный в своем храме, как и Шерайс в своем) заводит суровые, темные речи о страшных приметах, о медленно зреющем гневном Безымянного Господина. И Хранитель Аргосмира, а то и сами правители спешат прислать в святилище дар. Город не забывает день, когда утес Акулий Зуб, казавшийся незыблемым, рухнул в море, унося с собою дюжину рыбацких хижин.

А ему, Шерайсу, чем устроить народ? Повальным мором кур? Нашествием крыс?

О, крысы – это мысль, надо обдумать! А то жизнь такая, что хоть запирай храм, иди к соседнему святилищу да садись у входа с нищими!

Кстати, о нищих... вон, напозли уже, пристроились возле распахнутой двери! Их меньше, чем у других храмов, не такое хлебное место, но все же сидят, на что-то надеются.

Вот будет позор, если в храм вообще никто не завернет...

Да не может такого быть! Все-таки и коз горожане держат, и лошадей, кое-кто и коров, уж не говоря о домашней птице. Каждый день за скотину богов не молят, но в праздник-то...

О, идут первые жертвователи! Старик с мальчонкой, оба чистые, нарядные. У деда в руках узелок, у внука – корзина.

Старик поклонился жрецу, чинно развязал узелок, учтиво подал маленький праздничный хлебец с узорами из теста на верхней корке. Шерайс милостиво принял дар.

Затем дед обернулся к заробевшему внуку:

– Ну, что ж ты? Твой зверь, тебе и милости для него просить!

Мальчик шагнул вперед, застенчиво передал жрецу из ладони в ладонь теплый медяк. Затем поставил корзину наземь и двумя руками вынул из нее крупного серого щенка.

– Вот... благословить... чтоб вырос большой...

«А чего и не вырасти большим, с такими-то лапами? – умилился Шерайс, принимая щенка из рук маленького хозяина. – Хороший песик, толстопузый, упитанный, глаза ясные. И шустрый: вон как в руках вертится!»

– Как зовешь своего пса? – спросил жрец с напускной серьезностью.

– Дракон.

«Ух ты...»

Будь в храме другие верующие, Шерайс велел бы мальчику, как положено, бросить в огонь несколько зерен и капнуть вина. На этом бы обряд и завершился. Но пока никто не подошел, и жрец (больше для собственного развлечения) благословил неразумную тварь так, словно это был лучший охотничий пес с королевской псарни: призвал Безликих даровать чутье носу Дракона, силу лапам, остроту зубам, зоркость глазам и преданность сердцу. А потом, вернув в корзину животное, на которое снизошла милость богов, Шерайс поднял мальчика к плите, чтобы тому было сподручнее принести жертву огню.

Обряд был закончен, но старику неохота было уходить, а Шерайсу не хотелось остаться одному (если не считать своры нищих за порогом). И завязался разговор, чинный и солидный, какой приличествует вести в святом месте и в праздничный день. Постепенно разговор съехал на «а вот в былые времена»... Заправлял беседой старик. Если верить ему, некогда Гурлиан был страной, населенной богобоязненными людьми, усердными в труде, скромными в поведении и почитающими старших... и куда все это сейчас делось?

Мальчик тихонько слушал, время от времени запуская руку в корзину и глядя свое лохматое сокровище.

Старик увлекся и принялся бранить иные народы за то, что поклоняются ложным богам. Бегло прошелся по поводу наарабанцев с их Единым-и-Объединяющим, нехорошо помянул

ксуури (о которых, как выяснилось, не знал ничего) и жителей Проклятых островов (к которым имел лишь одну претензию: почему дали Грайану завоевать себя?). А затем перешел на Союз Семи Островов – Берниди. И тут уж пошел браниться обстоятельно и со вкусом, ибо буйные соседи крепко насолили Аргосмиру в давние времена и продолжали пакостить во времена нынешние.

– Бернидийцы поклоняются Морскому Старцу, – гневался твердый в вере дед, – и его дочерям, этим хвостатым девкам – дори-а-дау! А храмов истинных богов у них и вовсе нету! Так ведь?

Шерайс усмехнулся про себя (да в Гурлиане все побережье втайне молится Морскому Старцу!), но ответил серьезно:

– Не совсем так, добрый человек. Храмы истинных богов есть на каждом из Семи Островов, хотя древняя ложная вера действительно сильна в сердцах наших заморских соседей. И Круг подает своим подданным дурной пример. Чего стоит, например, кощунственный обычай, заведенный на острове Вайаниди Тагиором: сегодня, в день, когда Гурлиан, Грайан и Силуран благодарят богов за их милости, на Вайаниди начались собачьи бои! Да-да, именно в этот день, раз в два года, начинаются состязания, ради которых со всего света приезжают на Высокий остров любители боевых псов со своими питомцами!

– Тьфу, срамота! – осерчал дед.

Внезапно от входа послышалось:

– Оно, конечно, срамота, а только и нам гордиться нечем. На Вайаниди, небось, храмы каменные, а не вроде дровяного сарая!

Старик и жрец разом обернулись. Оба были изумлены так, словно с ними заговорил дверной косяк.

Нищий, нагло посмеявшийся влезть в их разговор, ничуть не смутился под взглядом жреца. Это был средних лет бродяга, тощий, смуглый, с грязными черными патлами до плеч и сломанным носом. Шерайс никогда не видел его возле своего храма.

– Что, не так? – хладнокровно продолжил нищий. – Весь город говорит, что жрецы просили у короля денег на каменные храмы, а король отказал.

Шерайс растерялся, а старик зло поджал губы: как смеет всякая шваль лезть в его благородную беседу со жрецом?!

– Идем! – скомандовал он внуку и, подхватив корзину со щенком, надменно прошествовал мимо сидящих на земле нищих.

Шерайс проводил его взглядом, затем посмотрел на медяк, лежащий на краю жертвенника. У жрецов есть примета: первую полученную монету надо отдать нищим, тогда весь день будут щедрые пожертвования...

Он подбросил медный кругляш на ладони и швырнул за порог. Нищие бросились ловить подачку, но проворнее всех оказался смуглый наглец. Он левой рукой поймал монету на лету, а правой ударил рябого горбуна, который чуть не перехватил медяк. Как ни странно, нищие не набросились на него с гневными воплями – отшатнулись, притихли... Странно! Сколько раз видел Шерайс, как эта воронья стая с бранью гнала прочь чужаков...

А смуглый нищий поднял на жреца холодные, недобрые, совсем не нищенские глаза.

Мороз пробежал по спине Шерайса. И он подумал, что старая примета может солгать...

* * *

– В этом году процессия не только обойдет храмы, но и спустится к морю, на верфи...

– Знаю, корабли благословлять. Дурацкая отцовская затея...

Принц Ульфест лежал на ложе, накрытом медвежьей шкурой. Руки забросил за голову, злой взгляд устремил в потолок. Серая шелковая маска валялась рядом на полу.

Венчигир не удивлялся скверному настроению двоюродного брата. Тот вообще терпеть не мог парадные церемонии, а уж перед торжественным шествием по городу вообще готов был рычать на каждого, кто попадется под руку.

А из-за чего рычать? Такое красивое зрелище! И делать ничего не надо, знай сиди в носилках, отделанных перламутром, да поглядывай на толпу сквозь прорези маски.

Венчигир прикрыл глаза и представил себе толпу, галдящую, веселую, напирющую на выставленные вдоль улицы деревянные ограждения... а стражники шугают самых настырных зевак...

Интересно, как все это выглядит сверху, с перламутровых носилок? Каково это – быть в сердце шествия... нет, самому быть этим сердцем?

Впереди – музыканты, за ними – нарядные дамы и кавалеры... жрецы восьмого, дворцового храма... но все взгляды прикованы не к ним, а к носилкам, что плывут над толпой.

На золотых – король, правящий страной.

На черных – король-отец, еще при жизни, по гурлианскому обычаю, уступивший сыну престол и помогающий ему в правлении мудрыми советами.

На перламутровых – наследник, приобщающийся к мудрости отца и деда.

Трое соправителей. Фигуры на носилках, застывшие в пышном величии, истинное воплощение власти: вот она, совсем близко – но взгляд обрывается на жесткой парче, на сверкающих драгоценных камнях, на масках, скрывающих лица.

Правители Гурлиана не появляются перед подданными без масок. Ульфест сказал как-то, что в основе этой традиции лежит трусость: трое правителей боятся сглаза. Может, и так, но как она красива, эта традиция, как впечатляюще смотрятся повелители!

Рядом с каждым носилками, приотстав на шаг, медленно едут верхом по две придворные красавицы, жены или дочери приближенных короля, цвет и гордость двора. В народе их прозвали Щедрыми Дамами. У каждой к седлу приторочены два парчовых кошель. Дамы осыпают носилки пшеничными зернами, а в толпу швыряют пригоршни мелких монет. Как утверждают летописцы, этот древний обряд символизирует дары, которые народ приносит трем правителям, и благодеяния, которыми правители одевают свой добрый народ.

Звучит это достойно и выглядит благородно. Но что творится перед праздником, когда избираются шесть счастливиц, которым предстоит украсить собою процессию... Вот где интриги, вот где борьба, вот где хитросплетения уловок, вот где бьющие фонтаном зависть, ненависть и ревность! До убийства, правда, пока не доходило, но снотворные и слабительные зелья соперницам подливались неоднократно, да и расцарапанными хорошенькими мордашками дворец было не удивить.

Каждый год перед праздником аргосмирская золотая молодежь веселилась, держа пари: какой из красавиц удастся на этот раз стать Щедрой Дамой?

Но на одну женщину никто не ставил. Неинтересно. И так все знали, что Айла Белая Ночь поедет слева от перламутровых носилок на длинногривой золотисто-рыжей лошадке.

Венчигиру показалось, что прекрасная всадница рядом, смотрит на него сверху вниз... нет, не на него, куда-то за плечо, словно он, Венчигир, не один из самых блестящих придворных юношей, а пустое место.

Ну и ладно. Не очень-то и надо. Ему и самому, может, совсем другая по душе!..

– Ульфест, – спросил принца его кузен, стараясь, чтобы голос не дрогнул, – а кто сегодня поедет рядом с твоими носилками?

Принц нахмурился, припоминая.

– Поедет Юнверта, племянница Хранителя города. И старшая внучка советника по торговле... забыл, как ее зовут. Она недавно при дворе. Хорошенькая.

– Да ты что?.. – изумился Венчигир. – Неужели Айла в этом году поедет возле золотых носилок? Вы что, поссорились?

– Айла вообще не поедет, – равнодушно отозвался принц. – У нее зубы болят. Последовало короткое молчание, затем Венчигир неуверенно сказал:

– Шуточки у тебя... какие-то...

– У меня? Шуточки? – обиделся принц. – Меня собираются таскать по городу, как дрессированного медведя! Я должен буду в семи храмах совершать один и тот же обряд, жест в жест! Причем обязательно молча, потому что какой-то идиот выдумал, что это не к добру – заговорить во время шествия... И ты считаешь, что меня тянет на шуточки?

– Ульфест, если бы ты сказал, что на дворцовую площадь прискакала Клыкастая Жаба и человеческим голосом потребовала топорик твоего отца, я, может, и поверил бы. Но чтобы Айла... из-за какого-то зуба...

– Сразу видно, что у тебя никогда не болели зубы, – хмыкнул принц.

Венчигир недоверчиво покачал головой и перевел разговор на другую тему:

– Ты посылал вчера к трактирщику Арузу? Что он тебе ответил насчет «невидимой стражи»?

Принц оживился, сел на постели:

– Прислал писульку... эх, надо бы его самого во дворец приволочь, чтобы вслух про каждого человека объяснил!

– Во дворец его часто водить опасно. Заметят, начнут задавать вопросы...

Венчигир опасливо повел плечами. Ему не нравилась затея двоюродного брата о восстановлении городской сети осведомителей. Уж очень нервно относится к «невидимой страже» король-отец, дед Ульфеста и Венчигира.

– Знаю. Ничего, вот схлынет маета с праздником, я все-таки с мерзавцем разберусь.

– А что с его письмом не так?

– Все не так. Значится у него в списке нищий по кличке Говорун. Рядом с именем написано: «Глухонемой, но читает по губам, а я его понимаю».

– Если это правда, то хорошо придумано. Глухонемых обычно не замечают.

– Еще в списке некая Юнтагилла Маленькая Звезда, почтенная матушка пекаря с Тележной улицы...

– Ну и что? У пекаря наверняка полно покупателей... где и поболтать, как не в лавке? Такие тетушки-сплетницы много знают...

Венчигир умолк под насмешливым взглядом принца.

– А хочешь, – предложил Ульфест, – побьемся об заклад, что пошлю я завтра Прешката на Тележную улицу – и окажется, что почтенная матушка пекаря либо от дряхлости растеряла последний ум, либо давно хворает и из комнаты не выходит?

– Нет, об заклад биться не стану. Думаешь, он тебе нарочно подсовывает калечных-увечных?

– Просто называет таких людей, которых не так просто проверить. Ну, как проверишь немного нищего?

– А зачем ему морочить нам голову?

– Скорее всего, боится моего отца... и деда, особенно деда. Для старого хрыча что «невидимая стража», что чума во дворце!

– Осторожничает...

– Трусит!.. – Внезапно лицо принца расплылось в мечтательно-хитрой улыбке. – Может, подбросить дедуле подметное письмо: мол, государь-отец, злодеи вынашивают коварный план: когда процессия пойдет по одной из улиц, убийца с крыши выстрелит в твою царственную персону... Не отменит ли дедуля с перепугу треклятое шествие?

– Эй, забудь! – встревожился Венчигир. – Представляешь, какой шум поднимется? Каждый за каждым следить начнет... ни ты, ни я шагу не ступим без присмотра! А я, между прочим, собирался... э-э... устремиться туда, куда влечет меня нежное сердце!

– Счастливцев! – позавидовал принц. – Захотел по бабам – пошел по бабам. Лишь бы из дворца незаметно выскользнуть, а дальше сам себе хозяин. А мне придется весь день изображать чучело в парадных носилках! Хотя мне, между прочим, тоже есть куда устремиться!

– Вечером устремись, – утешил кузена Венчигир. – Вот шествие вернется во дворец, все устанут, не до тебя будет...

– Вечером... – сказал принц тоскливо. Он поднял с ковра серую шелковую маску, украшенную длинной бахромой, и посмотрел на нее так, словно не мог понять, как эта мерзкая вещь попала в его спальню.

* * *

– Нет, о упрямая коза, ты не пойдешь в город в этих штанах и рубаше! Сегодня праздник, даже последний мусорщик старается выглядеть наряднее. И пусть я умру от удара ослиного копыта и буду похоронен в одной яме с дохлым шакалом, если отпущу дочь великого правителя из дома в столь жалком виде!

– Я не упрямая коза, о дерзкий Рахсан! Уважай дочь своего повелителя! И не говори мне, что притащил сюда праздничный наррабанский наряд! Я не надена алые шаровары, расшитые золотой нитью! И башмачки с загнутыми носками! И атласную кофту с колокольчиками на рукавах! И платок с павлинами и цветами! Сам напяль на себя все это, о старец, растерявший ум на тропях жизни!

– Будь ты моей дочерью или внучкой, о позор породившего тебя, я знал бы, как наказать тебя за эти слова. Чем тебе не по нраву одежда, которую носят достойные девушки, истинное украшение твоей родины?

– Будь я твоей дочерью или внучкой, о Рахсан-дэр, я взмолилась бы богам, чтобы они превратили меня в мышь! Эта одежда не нравится мне тем, что во всем Аргосмире такое надена только я! Не хочу, чтобы прохожие оглядывались на меня и радовались приезду бродячего цирка!

– Я боялся, что ты так и скажешь, о проклятье моей старости! Потому и не принес наряд, достойный твоей высокой крови. Но взгляни на это покрывало, о жемчужина моего старого сердца! Разве оно не нарядно, разве не радует взгляд изысканными узорами? Оно даже нищенку превратит в принцессу, если та набросит его поверх лохмотьев!

Шенги, стоя на пороге, любовался спором девчонки и старика. Охотник не так хорошо знал наррабанский, чтобы понять орлиный клекот вельможи и сорочье стрекотание девочки. Но уж очень забавно выглядели эти двое.

Да, Рахсан-дэру не позавидуешь! Нелегкую ношу возложил на него Светоч Наррабана – разыскать юную принцессу, сбежавшую из дворца, чтобы стать ученицей Подгорного Охотника. И не вернуть ее домой (с этим старый вельможа справился бы легко), а остаться при ней и взять на себя заботу о том, чтобы девочка выросла достойной дочерью своего царственного отца.

Оба заметили Шенги, смутились, замолчали.

– Доброе утро, почтенный Рахсан-дэр! – улыбнулся Охотник. – Как видишь, эта пичуга здорова. Я же обещал тебе это вчера!

Нитха и впрямь выглядела чудесно. На смуглом личике алел румянец, темные глаза весело блестели... ну, никаких следов того, что вчера она, измученная до полусмерти, брела по плечи в ледяной воде. Гильдия знала толк в целебных снадобьях!

– О да! – сварливо отозвался наррабанец. – Она здорова, чего не скажешь обо мне! После каждой беседы с этим юным чудовищем я чувствую, как черные щупальца Гхуруха оплетают мою измученную душу.

– Не жди от меня сочувствия, почтенный Рахсан-дэр. Ты заботаешься об одном юном чудовище, а у меня в учениках их трое... Чем на этот раз тебе не угодило это невозможное существо?

Рахсан-дэр коротко изложил суть спора и предъявил покрывало.

– Ты совершенно прав! – твердо сказал Охотник. – Если в праздник мои ученики появятся на улице в старой одежде, весь город будет говорить, что Совиная Лапа обнищал, а Гильдия разорилась. Я как раз привел портного с соседней улицы и его подмастерьев. Они принесли ворох одежды и подгонят ее на нас, чтоб ловко сидела. Кстати, девчонка, сегодня ты будешь в платье. Штаны и рубаха – дорожная одежда!

По личику Нитхи скользнула раздраженная гримаска: за три года она так и не привыкла носить платье. Каким бы длинным оно ни было, юной наррабанке казалось, что ее ноги обнажены. Но девочка не стала спорить, ответила кротко:

– Да, учитель.

– И покрывало, я думаю, к платью отлично пойдет, – улыбнулся Шенги.

Старик поспешил закрепить свою маленькую победу:

– Полагаю, почтенный Охотник, Нитхе-шиу ни к чему посещать храмы чужих богов. Пока ты вместе с юношами будешь приносить жертвы, мы с дочерью Светоча займемся чем-нибудь достойным, полезным и приятным. Например, посетим лавку книготорговца и приобретем несколько книг, которые оросят душу благородной девицы дождем мудрости.

– Такая лавка есть рядом с храмом Того, Кто Повелевает Ветрами, – кивнул Шенги.

Нитха заставила себя произнести милостивым тоном королевы:

– Ты прав, Рахсан-дэр, так и поступим... – И тут же все испортила, ляпнув: – Подожди, я сбегая наверх, возьму котомку, чтоб было в чем тащить книги.

Рахсан-дэр посерел от негодования.

– И я слышу такое из уст дочери Светоча?! Разве Нитха-шиу не видит, что со мною нет слуг? Неужели мне доведется увидеть, как царственная дева... подобно рабыне... своими руками... О-о, Гарх-то-Горх, видишь ли ты это?! О-о, пусть мне, жалкому псу, отрежут ухо в знак позора и поношения, раз я не сумел внушить моей госпоже такие простые понятия!..

– Нет-нет, – поспешно поправилась Нитха. – Я хотела сказать – отдам распоряжения! – И побежала вверх по лестнице. Вслед ей полетело гневное:

– Скажи мне, о недостойная дочь великих предков, что говорит «Тропа благочестия и добродетели» о ноше знатных девушек?

– Сейчас-сейчас! – донеслось сверху. – Только распоряжусь!

* * *

Тощий надменный подмастерье портного был оскорблен, словно вельможа, которому велели взять вилы и убрать навоз в хлеву. Ему, почти что уже мастеру, приказано было принарядить раба! Но заказчик есть заказчик. И подмастерье орудовал иглой, дошивая прямо на белобрысом юнце рубаху и стараясь, чтобы ворот не слишком открывал ошейник.

Дайру не мог дожидаться, пока портняжка закончит работу. Надоело стоять не шевелясь, а при любом движении игла злорадно вонзалась в кожу. Да еще портняжка начинал вопить, что ему мешают работать. Поза– ди скрипнула дверь, и знакомый голосок торопливо произнес:

– Как пойдем в город, не забудь взять свою котомку.

– Это еще зачем? – поинтересовался Дайру, не поворачивая головы.

– Рахсан-дэр грозитя купить мне кучу книжищ.

– А я их должен за вами таскать? Угу. Мечтаю об этом, как об удавке палача.

– Да-а-айру!

– Что – «Да-а-айру»? Хочешь мною командовать – выходи замуж за Витудага. Станешь мне хозяйкой – ну, тогда...

– Ой, траста гэрр, что ты такое бренчишь? Ну Дайру!.. Ну, пожалуйста!..

– И не старайся. Нургидана попроси.

– Ты что, Нургидана не знаешь? Ну Да-а-айру!

– Не скули.

– А давай так: вот пойдем за Грань, будет твоя очередь костром заниматься – я вместо тебя хворост соберу.

– И приготовишь еду.

– Вымогатель!

– Не хочешь – как хочешь, – пожал плечами Дайру – и тут же его клюнула мстительная игла.

– Стой смирно! – прошипел подмастерье портного.

– Договорились! – поспешно сказала Нитха. – Ой, чуть не забыла... что сказано в «Тропе благочестия и добродетели» о ноше знатных девушек?

Дайру с ходу процитировал на хорошем наррабанском:

«О дочь высокородного отца, руки твои не должны знать ноши тяжелее, чем цветок или веер, и лишь тогда, когда рядом нет служанки, дозволено тебе держать над собою зонт...»

– Ах да, спасибо...

Нитха не закрыла за собою дверь, и Дайру услышал ее удаляющийся голос:

– Все в порядке, Рахсан-дэр, я отдала приказание. Кстати, ты спрашивал меня об этом красивом отрывке из «Тропы благочестия и добродетели»...

* * *

Аруз Золотая Муха, пыхтя, приставлял к стене длинную лестницу. Приставил, пнул для надежности – крепко ли встала?

– И зачем она тут? – поинтересовался за его плечом знакомый голос.

На лице хозяина трактира мелькнуло раздражение, но сразу исчезло. Аруз обернулся, его круглая физиономия засветилась доброжелательностью и благодушием:

– Да хранят тебя Безликие, Щегол... и тебя, Кудлатый, тоже! Да отвратятся ваши души от дурного!

– Э-э... спасибо, тебе того же... – Щегол растерянно обернулся к своему плечистому спутнику. – Слушай, нам Аруза не подменили? Что-то очень приветливый.

– Подменили? – хохотнул Кудлатый. – Разве что из чужих земель двойника привезли, в Гурлиане второе такое брюхо вряд ли сыщется. А что ласков, так ведь сегодня праздник!

– А-а!.. Ну, и тебя со светлым днем, Аруз, да не допустят Безымянные твоего разорения. А все-таки зачем лестница?

Аруз любовно окинул взглядом бревенчатую стену с прислоненной к ней лестницей.

– Это я сегодня крышу продаю. Всего два медяка – и карабкайся наверх. Не сейчас, а когда мимо пойдет шествие.

– Так разве ж оно мимо твоего трактира пройдет?

– Ну, почти... По Тележной улице направятся в храм Того, Кто Колеблет Морские Волны, это третье святилище на их пути будет, – снизошел трактирщик к неосведомленности парня, который в столице бывал от случая к случаю. – И хвала богам, что не мимо нас, а то бы у меня толпа ограду снесла! А с крыши как раз главное и можно разглядеть...

– Любопытно бы глянуть, а? – покосился Щегол на своего молчаливого спутника.

Ответная ухмылка почти утонула в курчавой бороде:

– Я бы пожалел на это зрелище пары медяков.

– А я – нет, – мечтательно сощурился синеглазый юноша. – Ни разу же не видел! Король – в золотой парче, в маске с рубинами... а Щедрые Дамы... эх! – Он глянул на хозяина цепко и пристально, заговорил деловым тоном: – У меня к тебе дело, Аруз!

– Никаких дел! – испугался тот. – Не желаю из-за тебя гневить Жабье Рыло. Сегодня праздник, люди радуются, а я должен от страха трястись? Дай ты мне хоть завтрашнее утро встретить без ножа под лопаткой!

– Даже этим дело пахнет? – встревожился Кудлатый.

– А то! Щегол сопляк, но ты-то взрослый мужик! Должен соображать, что это такое – разгневать «ночного короля».

Аруз последний раз пытался образумить дерзкого юнца. Да, мальчишка – удачливый и наглый вор, но трактирщик знал, как быстро иссякает удача у тех, кто идет против воли Жабьего Рыла. К тому же Щегол и Кудлатый были в городе чужаками, появлялись неизвестно откуда и пропадали неведь куда, а потому вдвойне должны были опасаться гнева воровского «правителя».

– «Ночной король» только в городе хозяин, а мне скоро отсюда сваливать, – примирительно вставил юнец. – За городскими воротами меня никакое Рыло не достанет.

– Ты сначала дойди до ворот, мальчишка! – не удержался Аруз.

– Хозяин дело говорит, – кивнул Кудлатый. – В городе сейчас неразбериха да сумятица. Получим в толпе по клинку в бок – не увидим, от кого и за что...

– И покупать я у тебя ничего не стану! – твердо подвел черту Аруз.

– А кто-то что продает? – изумился Щегол. – Я хо– тел кое-что узнать, и не задаром!

На ладони нахального юнца сверкнула золотая монета. Глаза трактирщика сверкнули ответным блеском.

– Это мне та компания дала, – ухмыльнулся Щегол. – Ученики Совиной Лапы, с которыми мы у тебя трапезную разнесли.

– Помню, – откликнулся Аруз подобревшим голосом. (О драке в трактире, так славно себя окупившей, у хозяина остались самые теплые воспоминания.)

– Я ее так и не разменял. И тебе отдам целенькую, как скромница в брачную ночь, если поможешь мне разыскать одного человечка. Он где-то в городе прячется. А мне бы с ним только поговорить.

– В городе много кто прячется. – Аруз не сводил глаз с монеты. – С чего ты взял, что я твоего человечка знаю?

– Уж такой вы народ, трактирщики, – пожал плечами Щегол. – Не сумеешь мне помочь – другого найду. В городе полным-полно людей, которые не откажутся от полновесной золотой монеты.

Аруз кивнул. Уж в чем, в чем, а в этом он не сомневался.

– Кого хоть ищешь? – Голос трактирщика был полон мрачных подозрений.

– На Серебряном подворье жил алхимик Эйбунш. А те– перь не живет. Мне бы с ним словечком перемолвиться.

Тепло исчезло из глаз Аруза.

– Эйбунш? Первый раз про такого слышу. А за каким демоном он тебе нужен?

– Да смешная история...

– А ты Расскажи, Расскажи, я тоже посмеяться люблю...

Щегол махнул рукой, словно сам смущаясь того, что сейчас расскажет ерунду.

– Помнишь, я у тебя в «Шумном веселье» познакомился с Умменесом? Он на Серебряном подворье служит у бернидийского посланника...

– Помню.

– Сдружились мы. Как-то был он без гроша, а я при деньгах. Гуляем за мой счет, а ему завидно. Вот он меня и спрашивает: хотел бы я иметь такое зелье, чтоб любая баба забыла ради

меня белый свет, готова была сапоги мне целовать? Я отвечаю: а кто ж такого не хочет? Он рассказал, что живет на Серебряном подворье ученый чудак из свиты Хастана. Алхимик. Вот он такое стряпает. А я говорю: бренчишь, как мешок с оловянной посудой!

– Ясное дело, бренчит.

– Я так и сказал, а Умменес обиделся. Пошли, говорит, покажу кое-что. Вышли на задний двор... мы в «Павлиньем пере» сидели. Там пес на привязи – зверюга! Нас увидел – взревел, цепь натянул, аж на задние лапы встает...

– Ну? – заинтересовался Аруз.

– Достает Умменес какую-то синюю крупинку, спрашивает: видишь? Подходит к псу на длину цепи. Тот аж хрипит в ошейнике от ярости, пасть разевает. Вот в пасть Умменес и кинул крупинку. Пес ее и проглотить, наверное, не успел, только на языке почуял...

– И что?

– Хлопнулся на пузо, к Умменесу тянется, скулит. Умменес сел на корточки, чешет пса за ухом, а тот ему от восторга всю рожу облизал! Потом Умменес встал да пошел прочь, а пес ему вслед скулит навзрыд: мол, зачем ты меня бросаешь, дорогой мой человек?.. А Умменес смеется: «Скажи, Щегол, спасибо, что я эту крупинку не тебе в вино бросил! Бегал бы ты за мною следом, обещал бы любые деньги за один мой ласковый взгляд!...»

– И ты не съездил ему по уху?

– Хотел съездить. Но очень уж захотелось получить зелье!

– Тебе-то оно зачем? Ты парень красивый, веселый, с девками ладишь...

– С девками – да, а со сторожевыми псами – не всегда, – напрямик сказал Щегол. – Короче, оказалось, что зелье алхимик варит тайком от своего господина. Заработать на стороне хочет. Эту крупинку он дал слуге, чтоб тот нашел денежного человека и показал, как действует зелье. И если, мол, денежный человек себе такое закажет, то каждая крупинка будет стоить шесть золотых.

– Сколько?! – охнул трактирщик.

– Дорого, не спорю. Но с такой крупинкой я свои деньги за один вечер верну и в барыше буду. Дал я Умменесу шесть золотых, но предупредил: получу либо зелье, либо деньги в двойном размере. А иначе с ним не я толковать буду, а Кудлатый.

– Сурово ты его, – одобрил Аруз.

– Прихожу вчера за зельем и узнаю, что оно готово и спрятано где-то в доме, но где – слуга не знает. А сам алхимик подался в бега. Тяпнул что-то у хозяев – и махнул хвостом.

– Вот так история! Плюнь ты, парень, на это зелье, выколачивай из Умменеса деньги. Пускай где хочет, там и достает!

– Ты, Аруз, толково рассудил, но мне сейчас нужно зелье, а не деньги.

– Смугляночка-наррабаночка? – проницательно спросил Аруз.

– Она самая, – сконфуженно кивнул Щегол. – Сам не знаю, чем она меня зацепила.

– Зацепила, да? – пропел рядом низкий хриловатый голос.

Мужчины обернулись.

Как она сумела так неслышно возникнуть из-за угла – статная, рыжеволосая, в нарядном зеленом платье, с огромной шелковой розой у пояса...

– Зацепила, да? – насмешливо переспросила Лисонька. – Подумаешь! Зацепить могут и грабли! У тебя скверный вкус, Щегол!

Юноша виновато развел руками: мол, какой есть...

Тут во двор ввалилась компания моряков в синих холщовых рубахах. Они горланили и хлопали друг друга по плечам, они были веселыми и хмельными, они хотели мяса и вина, с ними все было просто и понятно. Аруз устремился к ним, словно навстречу спасению:

– Удачен ваш путь, храбрые мореходы! Хоть и далеко вы забрели от порта, но вам ли бояться дальних дорог? Зато сейчас вы достигли Счастливого Острова!

Моряки с готовностью последовали за хозяином в дом. Лисонька направилась было за ними... но остановилась, обернулась к юноше, шепнула загадочно и жарко:

– Не того просишь о помощи!

– Ты знаешь, где найти алхимика? – вскинулся Щегол.

– Может, и знаю, но всякому знанию своя цена! – засмеялась Лисонька и легко взбежала на крыльцо.

– Я за ценой не постою, – улыбнулся юноша. – Пошли, поглядим, что у нее за товар.

В этот миг под крыльцом завозилось что-то живое.

Кудлатый схватился за нож, Щегол напрягся... Но тут же оба расхохотались, потому что из-под крыльца высунулась смешная чумазая мордашка с курносый носом и огромными глазами.

– Чешуйка, с праздником тебя! – весело сказал Щегол.

Беспризорник, уже выбравшийся из своего укрытия, засиял, словно солнышко в луже. Чешуйка искренне восхищался Щеголом. Такой дерзкий, веселый, бесстрашный... и такой щедрый! Сколько раз не жалел медяка, а один раз накормил от пуза!

– Со светлым праздником, господин и... и другой господин! – бодро заявил беспризорник, потирая остренький подбородок, который делал его треугольное личико похожим на мордочку лесного зверька.

Вид у бродяжки был совсем не праздничный: чья-то поношенная рубаша, доходившая мальчугану ниже колен, была по-матросски подпоясана веревкой. Из-под подола торчали босые ноги, грязные и исцарапанные.

– А ведь раньше у него этой рубаше не было, – припомнил Кудлатый. – Он в мешке проделал дырки для головы и рук и так бегал...

– Да ты прифрантился ради праздника! – умилился Щегол. – Ну, так заодно угостись!

Он швырнул мальчугану монету и поднялся на крыльцо. Кудлатый последовал за ним.

Чешуйка поймал подачку на лету – и едва не заскулил от разочарования. Монета была неправильная! Значки на ней ничего не говорили неграмотному мальчишке, но цвет был совершенно не медный, тускло-серый.

Если бы монету дал кто-нибудь другой, беспризорник забросил бы ее подальше, вслух помянув Хозяйку Болота. Чешуйке приходилось слышать, как туго приходится тому, у кого находили фальшивые деньги.

Но это же Щегол!..

Чешуйка решил рискнуть. Завидев бредущего через двор конюха, он издали показал ему монетку:

– Глянь-ка, чего у меня!..

Конюх взгляделся.

– Ишь ты, вроде серебро! – сказал он удивленно – и тут же продолжил фальшиво-ласковым голосом: – Ну-ка, дай поближе глянуть...

Чешуйка метнулся в сторону и с безопасного расстояния скорчил конюху рожу. Серебро!..

* * *

Притихли ссоры, оборвались на полуслове хвастливые матросские байки, перестали греметь костяшками игроки в «радугу». Власть в трактире захватил волнующе низкий, страстный голос женщины, закачавший все сердца на упругих волнах песни:

По тебе затосковала.

Все забавы – прочь!

Буду чайкой у причала
Биться день и ночь,
Буду я попутный ветер
В парус зазывать,
Буду солнечные сети
Над водой сплетать.
И в тоске неутолимой
Крик летит, маня:
«На причал сойди, любимый,
Обними меня!»

Лисонька скользила меж столами – и при последних словах песни остановилась возле Щегла, который замер, не донеся до губ чашу с вином.

«Как он смотрит на меня! О Безликие, как смотрит! Почти совсем как раньше, тогда... Вот именно. Почти...»

Подвыпившие, празднично настроенные гости восторженно орали и стучали по столам. Поэтому только Кудлатый, сидевший рядом со Щеглом, сумел расслышать то, что девушка сказала его спутнику:

– Я научу тебя, как найти алхимика. Но не за деньги. Приходи в сарайчик... ну, ты знаешь... Один раз, самый последний. Со мной тебе не понадобится любовное зелье.

И поплыла меж столами к выходу.

Глаза юноши, и без того раззадоренного песней, засветились лукаво и весело.

– Хорошая плата, достойная. Жди меня тут, я попрощаюсь и вернусь.

Кудлатый попытался возразить, но Щегол уже встал и двинулся следом за девушкой.

Его спутник с досадой уставился в окно. Ему был виден двор, стена сарая, приоткрытая дверь. Видно было, как, перейдя двор, в эту дверь вошла рыжеволосая девушка в зеленом платье. Вскоре туда же с довольным видом нырнул Щегол.

Кудлатый тихо выругался, хлебнул вина и принялся терпеливо ждать, не сводя глаз с окна, чтобы не упустить момент, когда этот неосторожный мальчишка покинет сарай.

* * *

Вряд ли Кудлатый был бы так терпелив, если бы знал, что еще во время песни Лисоньки в сарай вошли двое дюжих верзил, по виду – уличные головорезы (причем это был тот случай, когда внешность честно говорила о сути человека).

Перешагнув порог, Лисонька коротко и тихо бросила им несколько слов и шагнула в сторону, чтобы не мешать драке.

Впрочем, драки почти не было. Щегол, не ожидавший опасности, зашел с залитого солнцем двора в полумрак сарая – и сразу на него навалились, заткнули рот, сбили с ног...

Парень отбивался, как мог. Пока ему вязали руки, успел заехать каблуком во что-то мягкое (судя по вскрику и черному словцу, заехал удачно). Но те, в чьи лапы он угодил, знали свое ремесло. Щегла деловито скрутили по рукам и ногам, в рот вбили кляп.

Один из верзил поднял в дальнем углу сарая сплетенный из лозы щит. Сверху щит был присыпан землей – в полутьме и не разобрать, что это не часть земляного пола, а крышка погреба. В этот погреб головорезы спихнули свою жертву и водворили щит на место.

Затем один из них отодвинул доску в дальней стене сарая и, махнув на прощанье Лисоньке, выбрался наружу. Второй последовал за сообщником. Оба знали, что ни со двора, ни из окна трактира их не увидеть...

Все это время девушка, подобрав под себя ноги, сидела на широком топчане, где обычно устраивались здешние шлюхи со своими «друзжками на раз». За все время схватки она не издала ни звука.

Но когда мужчины ушли – не удержалась, подбежала к тайнику, приподняла край плетеного щита и злорадно сообщила в черную яму:

– Тебя не убьют, мерзавец! Надо бы, но не убьют! Жабье Рыло денег на ветер не бросает, тебя продадут за море! И я желаю тебе попасть в лапы самой сварливой, жестокой, старой, уродливой и похотливой хозяйке!

Вернув щит на место, девушка вернулась на топчан, растрепала свои рыжие волосы, расшнуровала платье на груди и терпеливо стала ждать – когда же Кудлатый забеспокоится и придет искать своего приятеля?..

* * *

Прощаться с летом – так уж прощаться, чтоб потом всю зиму сладко вспоминать золотые, насквозь прогретые солнцем денечки!

По погоде на День Всех Богов загадывали, будет ли удачен год до следующего праздника. Если верить этой примете, на Аргосмир должна была снизойти долгая череда удач.

Город прифрантился. Жители побогаче вытащили из чуланов ярко раскрашенные деревянные цветы, сберегаемые с прошлого праздника, и прицепили над входами в свои дома. Те, кто победнее, еще с вечера принесли из-за городских ворот охапки цветов и зеленых ветвей (не еловых, храни Безликие, конечно же, не еловых, не траурных!), всю ночь продержали зелень в корыте с водой, а наутро, как умели, украсили свои двери и окна.

Но на улице, по которой шел сейчас Шенги с друзьями, этим, как выразился Фитиль, сеном даже не пахло. Это был квартал ремесленников и торговцев средней руки, и каждый старался показать соседям, что дела у него идут хорошо. Так что вокруг пестрели красками и позолотой деревянные цветы и ветви, колыхались алые и синие ленты.

– Сегодня принято обходить все семь храмов, – с удовольствием рассказывал Шенги своим нарядным, умытым, причесанным ученикам. – Правда, в наши дни мало кто соблюдает старые обряды, но раз уж попали в столицу в праздник, сделаем все толком.

– У нас работа опасная, благоволение богов не помешает, – солидно поддакнул Нургидан. Шенги, скрыв усмешку, кивнул:

– Здесь, на побережье, – четыре храма. Да еще три – восточнее, ближе к дворцу. Из здешних друг с другом спорят в богатстве два храма: Того, Кто Колеблет Морские Волны, – туда мы сейчас идем – и Того, Кто Повелевает Ветрами.

– Понятно, – фыркнул Дайру, – как раз возле порта и пристроились.

– Они очень, очень пышные, но им не тягаться с теми, что ближе к дворцу. Вот, скажем, храм Того, Кто Зажигает и Гасит Огни Человеческих Жизней...

– Это который рядом с памятником Королю-Основателю? – брякнул Нургидан. – Ага, красивый. Купол – как сложенные ладони...

– А ты откуда знаешь? – удивился Шенги.

Нургидан растерялся: как объяснишь, что он делал возле королевского дворца?

Нитха поспешила выручить друга:

– Когда Глава Гильдии болел и лежал во дворце, я бегала узнавать, как он себя чувствует. Тогда и храм видела... Не заходила я внутрь, не заходила, – покосилась она на встревоженного Рахсан-дэра. – Полюбовалась, пока мимо бежала! А потом рассказала ребятам.

– Да, он красив, – кивнул Шенги. – Но мне больше нравится храм Того, Кто Одевает Землю Травой, там дивная резьба. Он стоит у входа в Лунные Сады... вот туда мы обязательно

зайдем! Там садовники воистину творят чудеса! Мне особенно нравится уголок, который называется «цветник дори-а-дау».

– Дори-а-дау? – с недоумением повторила Нитха. – «Красавица из глубины»?

– Да, так в старину называли дочерей Морского Старца, подводных хозяек.

– И сейчас называют, – ухмыльнулся Фитиль. Он шел чуть позади и сам себе удивлялся: зачем он прибил к этой компании? Ему бы подцепить девчонку да закатиться с нею в трактир! Чего ради он тащится за этой дружной стайкой?

А Шенги продолжал рассказывать про «цветник дори-а-дау»:

– Садовники усыпали там землю чистым крупным песком, как на морском дне, поставили настоящие кусты кораллов, оплели их заморскими невиданными растениями – не отличить от водорослей! А главное, они что-то сделали со светом. Не знаю, в чем фокус, но свет там зыбкий, струящийся, словно глядишь сквозь воду...

Нитха мечтательно вздохнула, и Рахсан-дэр ревниво вмешался:

– Не сомневаюсь, что Лунные Сады прекрасны, и с нетерпением жду мгновения, когда смогу усладить их видом мои очи. Но если ты, уважаемый Охотник, чувствуешь красу того, что произрастает вокруг, тебе надо побывать на берегах Нарра-кай, величайшего и прекраснейшего из наррабанских озер. Все озеро – храм его хранительницы, богини Кай-шиу. Озерная Дева не принимает иных жертв, кроме цветов. Жрецы разводят вдоль берегов целые поля цветов, так подбирая сорта, чтобы цветение не прекращалось круглый год...

Дайру с интересом слушал рассказ – и в то же время поглядывал на Фитиля.

«Ух, какой колючий взгляд... Опять завидует, что ли? Бьюсь об заклад, ему охота сказать что-нибудь злое. Но сегодня нельзя. Сегодня даже пьяный матрос, прежде чем разбить скамью о башку приятеля, скажет, наверное, что-нибудь вроде: „Не позволит ли господин его побеспокоить?..“ Впрочем, сказать гадость можно и с любезным видом. Интересно, кого он ужалит первым? Нургидана? Рахсан-дэра? Шенги?»

Но первым оказался ужален именно Дайру.

Фитиль обратился к нему любезно-снисходительным тоном, с участливой улыбочкой:

– Это все славно... но тебе-то чего по жаре через весь город тащиться? Помолиться можно и дома, боги услышат... а в храм тебя все равно не пустят.

Это был меткий удар. Дайру густо побагровел. Все правильно. Раб – домашняя скотина, а скотине не место там, где люди говорят с богами. Ни в один храм Дайру не пустят.

Нургидан шагнул к Фитилю, но Нитха удержала его за рукав: драку в светлый праздник учинять стыдно, а без мордобоя Дайру и сам за себя постоять сумеет.

Шенги тоже не стал вступаться, только усмехнулся, пытаясь угадать, что ответит грубияну его смышленный ученик.

Дайру и в самом деле быстро взял себя в руки. Глаза его еще были жесткими, но рот уже растянулся в улыбке, лишь самую малость фальшивой:

– А просто погулять по городу в славной компании разве плохо?.. Ах да! Я же совсем забыл... ты ведь спас мне жизнь в подземной реке, а я тебе даже спасибо не сказал! Моя бесконечная благодарность! – И юноша учтиво поклонился.

Фитиль вытаращил глаза, а умница Нитха тут же подхватила затею: вскинула руки по-наррабански к груди, закивала:

– Без тебя мы пропали бы, спасибо тебе!

Тут и до Нургидана дошло, он подхватил колючим голосом, плохо вяжущимся со словами:

– Помог ты нам вчера, спасибо...

Рахсан-дэр слегка удивился – с чего молодежи понадобилось именно сейчас благодарить вчерашнего спутника? – но ничего особо странного в этом не углядел. А Шенги закусил губу, чтобы не расхохотаться.

Охотник не благодарит напарника.

Сейчас ребята жестко поставили наглеца на место. Самым вежливым образом они сказали: да, мы побродили с тобой по складкам Подгорного Мира, но не вздумай считать себя нашим напарником. Ты для нас чужак, без спросу прибившийся к дружной компании. И терпим мы тебя только из учтивости...

Юные победители гордо прошествовали мимо остановившегося Фитиля. Рахсан-дэр, ничего не поняв, спокойно шел рядом с ними. А Шенги задержался возле молодого Охотника.

– Шустрые ученики, а? – Фитиль постарался спрятать обиду под ухмылкой.

– Ну, не они же первыми начали! – без враждебности откликнулся Шенги. – Что ты к Дайру привязался?

– Да я что, я ничего... – начал было Фитиль, но взглянул в доброжелательные глаза Охотника – и махнул рукой: – Так, злость взяла: еще ученики, браслет то ли будет, то ли нет... а уже команда, друг за дружку держатся.

Как и Дайру вчера, Шенги подумал: «А ведь завидует...»

– Хорошего напарника подобрать трудно, – сказал он понимающе. – Я вот с разными хорошими людьми по складкам ходил, а настоящая напарница была одна, до сих пор забыть не могу! А эти... знаешь, они первое время друг друга терпеть не могли, все норовили друг другу пакость учинить. А потом, со временем...

– Со временем, да... – задумчиво ответил молодой Охотник. – Только это самое «время» еще вытерпеть надо. Я же из Отребья. С кем ни попробую в паре ходить – нарываюсь на разные подковырки... Нехорош я, видите ли, уродился!

– А Дайру легче?

– А ты меня с рабом не равняй!

– Про тебя ходят слухи, что ты со всеми напарниками свары затеваешь...

– Просто успеваю первым! Как почую, что мне сейчас что-нибудь обидное скажут, или просто вижу, что глядят на меня сверху вниз... ну, я сам тороплюсь грубияна срезать. Мне и учитель говорил: если без драки не обойтись – бей первым!

Шенги хотел сказать, что он думает о напарнике, который норовит истолковать каждый твой взгляд как начало ссоры. Но его остановила теплая нотка в слове «учитель».

– Ты у кого обучался?

– У Джалидена Алмазного Ясеня из Рода Дейар! – гордо отчеканил Фитиль.

– У того, что погиб на Спутанных Тропах? Я слышал о нем много хорошего.

– Ха! Это был лучший в Гильдии Охотник! Уж получше тебя, даже не сомневайся!

– От него ты тоже в каждый миг ждал обиды?

– Да ты что, он же меня учил! Ну, строг был, выдрать мог... так это ж для моей пользы!

– Вот, – задумчиво сказал Шенги. – От других ты в каждом слове подвоха ищешь, а от учителя и трепка – не во зло... Слушай, а ты сам-то не думал взять ученика?

– Я?! – изумился Фитиль. – За каким демоном?

– Он глядел бы на тебя снизу вверх, а ты от него не ждал бы зла. А пока обучение идет, вы друг к другу привыкнете, к недостаткам притерпитесь... вот тебе и напарник!

– Да что ты за чушь несешь?

– Почему – чушь? Джарина так себе напарницу вырастила... Ох, глянь, мы же за разговором от наших совсем отстали. Давай-ка прибавим шагу!

Сбитый с толку Фитиль пошел быстрее, хотя только что собирался бросить Шенги и его дерзких сопляков. На ходу он размышлял над странными словами Совиной Лапы. Нет, на кой ему сдался ученик, а?!

* * *

Пока Кудлатый пил вино и поглядывал в распахнутое окно, за ним самым зорко приглядывали двое незнакомцев: мрачный нахрабанец с серьгой в ухе и тощий лысоватый тип, смахивавший на голодную шелудивую дворнягу.

Наконец Кудлатый потерял терпение, подозвал служанку, расплатился за себя и Щегла и встал из-за стола. И тут же у него на пути встал незнакомец, похожий на дворового пса:

– Приятель, с праздником тебя!

– И тебя, – учтиво откликнулся Кудлатый, но незнакомец не сделал движения, чтобы его пропустить.

– Слышь, добрый человек, рассуди наш с дружкой спор. Он говорит, что ихний Гарх-то-Горх его даже из Нахрабана здесь углядит. А я говорю: не может такого быть, чтоб всякие заморские боги в нашей земле власть имели. Ежели ты заморский бог, так ты у себя за морем командуй, верно? А он говорит...

– Я не жрец, чтоб о богах судить, – сухо отозвался Кудлатый, стараясь не сорваться на грубость. – В храм зайдите да жреца спросите. А меня пропусти, я спешу.

Назойливый собеседник не посторонился.

– Да что нахрабанцу в нашем храме делать? Он по-нашему и понимает-то через два слова на третье, где уж ему со жрецом умные беседы вести... Так вот, я ему и толкую: ежели этот самый Гарх-то-Горх...

Терпение Кудлатого лопнуло. И все же ради праздника он не вlepил настырному «богослову» так, чтоб тот кувыркнулся через стол. Просто подхватил болтуна под мышки, поднял на воздух, переставил в сторонку – и пошел себе к выходу.

Но тут в его локоть вцепилась смуглая ручища.

– Ты трогать мой друг? – с сильным акцентом спросил мрачный тип с серьгой. – Зачем?

– Клешню убери, крокодил нахрабанский! – возмутился Кудлатый, рывком выдергивая локоть из наглой пятерни.

Нахрабанец тут же забыл об обиде, нанесенной другу: появилась более животрепещущая тема для беседы.

– Я не крокодил! – возопил он, апеллируя к трактирному сброду, притихшему в предвкушении веселой драки. – Все посмотреть – я не крокодил! У крокодил есть зубы и хвост, а у меня нет хвост...

– Зубов у тебя сейчас тоже не будет! – рявкнул Кудлатый и от души врубил заморскому зануде.

Тот растянулся на столе.

– Да куда ж это годится – в такой день драться? – возмутился кто-то из угла. Вместе со словом увещевания в Кудлатого полетело оловянное блюдо. От блюда он увернулся, но на пути уже встали двое моряков, которые не прочь были поразмяться.

Некоторое время трактир оглашался звуками ударов, звоном посуды, треском мебели, воплями и вдохновенными тирадами, в которых Безликие поминались в таких выражениях, что любого жреца хватил бы удар. «Шумное веселье» сбросило на время оковы праздничного благочестия и зажило полнокровной яркой жизнью...

Когда потасовка угасла, Кудлатый (единственный из участников схватки, кто остался на ногах) пошел к двери, не обращая внимания на восхищенные взгляды тех, кто предпочли остаться зрителями.

В дверях его остановил Аруз.

– А платить?! – Пузо хозяина возмущенно колыхнулось под фартуком. – За посуду, за скамью разбитую!...

– О чью башку скамья разбилась, тот пусть и платит.

– Стражников позову!

Угроза подействовала на Кудлатого. Он извлек из кошелька несколько медяков, сунул трактирщику и поспешно вышел.

Аруз задумчиво глянул ему вслед:

«Крепкий парень. Может, взять его вышибалой, когда поймет, что остался без дружка?..»

А Кудлатый, не подозревая, что ему подыскали работу, пересек двор, задержался у входа в сарайчик, прислушался – вроде тихо? – и позвал:

– Эй, голуби, хватит ворковать!

– Голуби – на голубятне! – отозвался раздраженный женский голос. – Заходи, тут некому мешать!

Встревоженный мужчина распахнул дверь, остановился на пороге, окинул взглядом сарайчик и вопросительно обернулся к певичке, которая сидела с ногами на деревянном топчане и переплетала растрепанную рыжую косу.

– Тоже мне голубь! – негодовала она. – Все перья бы выдрать этому голубку! Обнимать женщину – и называть ее чужим именем! Как ему, бесстыжему, еще никто глаза не выцарапал?

Лисонька говорила все громче, все взволнованнее: она представляла себе, как на дне земляной ямы бьется пленник, пытается освободиться от веревок, яростно мычит сквозь кляп. Чтобы заглушить это мычание, слышное только ей, женщина почти кричала:

– И на кой она ему, эта черномазая паршивка? Была бы хоть девка видная, а то ведь плюнуть не на что!

– Где Щегол? – тихо и страшно спросил Кудлатый.

– Где-где... к паскуде заморской побежал! Она сейчас у Лауруша гостит, так и...

– Врешь! Я со двора глаз не спускал...

– Так-таки и не спускал? – расхохоталась Лисонька. – А он хвастался, что тебя отвлекут, а ему знак дадут, что путь свободен. И еще сказал, что ему няньки надоели!

Коротко выругавшись, верзила шагнул назад и захлопнул дверь. В сарайчике стало почти темно, только сквозил свет в щели меж досками. Лисонька перестала возиться с косой, зябко обхватила себя за плечи. Хотелось подойти к яме, приподнять плетеную крышку, заглянуть внутрь... но было страшно: вдруг Кудлатый вернется!

А Кудлатому не пришлось даже идти в трактир, чтобы проверить слова Лисоньки. Возле дома стояла бочка с дождевой водой, а над нею пристроился болтливый «богослов» – смывал кровь, сочащуюся из глубокой ссадины на скуле. Сейчас он не выглядел дружелюбным простаком: зло шипел, черными словами поминал Хозяйку Зла и все ее козни.

За этим занятием он не услышал шагов за спиной. И был поражен, когда ему на загривок легла крепкая пятерня, пригнула, макнула в воду...

Кудлатый подержал свою добычу головой в бочке, дал бедняге как следует пробулькаться, затем извлек наружу, немного подождал, глядя, как тот отплеивается.

– Ну, все? Можешь понимать, о чем тебя спросят?

Незнакомец кивнул. Куда только делась его говорливость!

– Вы с дружкой не просто так ко мне прицепились, верно? Кто-то вам велел меня отвлечь?

– Да пошел ты...

Сильная рука вновь пригнула голову грубияна к самой воде.

– Я ж тебя башкой в бочку воткну, а вытащить забуду! – предупредил Кудлатый заботливо.

– А чтоб тебя... пусти! Да пусти, отродье Болотной Хозяйки!

Кудлатый позволил пленнику разогнуться. Тот потер рукой свой загривок:

– Чуть шею не сломал... силен, демонская рожа!

– Ты на вопрос отвечай, а то мы с тобой уже полбочки расплескали.

– Что?.. А, ну да... Дал он нам с Гайхором по серебрушке. Велел за тобой приглядывать, а как к двери пойдешь, так чтоб отвлечь малость...

– Ничего себе малость! У твоего Гайхора кулак, что купеческая гиря... Но кто запла-тил-то?

– Да сопляк, которого ты при себе таскаешь... сын он тебе или кто... Пока ты на певицу глаза пялил, он нам успел деньги сунуть.

– Сын? Ну уж нет! – с чувством произнес Кудлатый. – Был бы у меня такой сын, я бы его... – Взгляд на бочку с водой подсказал завершение фразы: – Я бы его маленького в корыте утопил!

И направился через двор к воротам.

Где живет Лауруш – узнать будет несложно. А бесстыжего мальчишку, храни его Без-ликие, надо найти как можно скорее. Жабье Рыло не раз давал понять, что его терпенье на исходе... а ну как оно именно сейчас и лопнет, терпенье это самое?!

* * *

Аруз заглянул в сарайчик, сердито бросил певице:

– Что расселась? Иди пой, люди ждут!

Лисонька, не сказав ни слова, вылетела из сарайчика и побежала через двор к трактиру.

Не так уж там нуждались в ее пении. Вон как матросня на дюжину хриплых голосов горланит «Вдовушку из Ашшурдага!»! Но девушка понимала: что бы ни происходило сейчас в сарае, лучше ей этого не видеть и не знать.

Понимала она и другое: Аруз оттого злится, что ему не нравится происходящее. Уж так он надеялся, что Щегол возьмется за ум, поладит с Жабьим Рылом – и в Аргосмире появится вор из тех, о ком песни поют: лихой, умелый, наглый. Сам бы озолотился и Арузу дал хорошо заработать!

«Ох, дурак ты, Щегол, дурак! – стонала про себя Лисонька. – Ну кто же прет Жабьему Рыло поперек норова?!»

Почти то же самое говорил сейчас Аруз, склоняясь над ямой в углу сарая:

– Ох, дурак ты парень, дурак! Еще моли богов, что Жабье Рыло не велел развесить тебя по кускам от Гуляйки до Гиблой Балки. В назидание прочим, чтоб уважали «ночного короля»!

Дверь со скрипом отворилась, на пороге встал невзрачный мужичонка в холщовых, совсем не праздничных штанах и рубахе:

– Готов груз-то, хозяин? А то ехать надо, пока улицу не перекрыли.

Подтолкнув мужичонку, чтоб посторонился, в сарай вошел сын Аруза – крепкий молча-ливый парень. Мало кто из завсегдатаев знал его имя, а некоторые считали хозяйского сына немым. Аруз был весьма доволен характером своего отпрыска.

Ни о чем не спрашивая, он снял плетеную крышку, которую уже немного сдвинул отец, прыгнул в яму и деловито поднял на руки связанного пленника. Аруз помог сыну, а мужи-чонка топтался за спиной трактирщика, держа наготове два больших мешка.

– Вот и славно, – приговаривал он. – Мешок на голову, другой на ноги... да репой сверху, репой... чтоб не барахтался... вот и славно будет, вот и хорошо...

Сын трактирщика дернул уголок рта: парня злила бестолковая болтовня помощника, за которой был скрыт страх.

Но сам Аруз из-за этого не волновался. Конечно, мужик есть мужик, куда ему геройство-вать! Такие только и годятся, чтобы выращивать репу да капусту на огородах за городской стеной. Но молчать он будет. Вот успокоится малость – и заткнется. У него с рыбаками из

слободы обмен: овощи на рыбу. Чтобы угодить соседям, не сорвать меновую торговлю, мужик согласился подвезти до берега опасный груз.

На дворе закутанного в мешковине пленника положили на дно телеги и умело пристроили сверху мешки с репой. Теперь бедняга не мог пошевелиться, хотя и насмерть его не придавило. Опасность задохнуться ему тоже не грозила: живой груз был уложен так, что лицо было прижато к длинной щели в днище телеги. Можно было дышать, хоть и сквозь мешковину. Прибрежные контрабандисты давно занимались тайной работоторговлей, неплохо научились обращаться с добычей.

Возле телеги крутился курносый беспризорник Чешуйка. Сын Аруза и крестьянин не обращали на него внимания, а трактирщик спросил мальчишку:

– Ну что, оголец?

– Улицу еще не перекрыли, только принесли загородки и сложили кучей! – бодро доложил маленький разведчик. – Рога трубили только один раз, король еще далеко.

Аруз понимающе кивнул. После того как шествие подходило к одному из храмов, сигнальные рожки разносили весть об этом по всему городу.

– И порядка нету, – хихикнул мальчишка. – Сотник с утра празднует, только что притащился, никак своих людей вдоль улицы не расставит... Уж поторопитесь!

– Зайдешь попозже, накормлю тебя, – кивнул мальчишке Аруз. И прикрикнул на сына, который закреплял мешки веревками: – Пошевеливайся!

Разумнее бы подождать, пока пройдет процессия, а еще лучше не спешить до вечера. Но Аруз боялся, что Кудлатый вернется, догадавшись, что его обманули. Кудлатый – это вам не Щегол... да и не было от Жабьего Рыла никакого приказа насчет Кудлатого.

Наконец лохматая лошадка, такая же малорослая и крепкая, как ее хозяин, тронулась со двора. Когда телега проезжала мимо трактирщика, Аруз нагнулся и негромко, но отчетливо сказал в кучу мешков:

– Легкого тебе плавания, Щегол, да хозяина хорошего!

Толстяк не видел, как изменилась за его спиной чумахая мордашка беспризорника.

До сих пор мальчишка был уверен, что в телеге – какой-то невезучий горожанин, который протрезвится только на борту корабля. И что ему за дело до забулдыги, которого сейчас увезут к морю, в тайное убежище контрабандистов...

Но – Щегол?!

Такой веселый, смелый, приветливый!

Щегол, который при каждой встрече давал Чешуйке по медяку, а сегодня расщедрился на серебро!

Мальчишка сам не заметил, как ноги вынесли его за ворота вслед за телегой, медленно продвигающейся по запруженной народом улочке.

Нет, Чешуйке и в голову не пришло схватить за рукав первого встречного «крысолова» и закричать: «Вон там, под мешками – человек!» Беспризорник всегда помнил, на чьей он стороне в противостоянии стражи и трущоб.

Но – Щегол?!

Мальчишка бежал за телегой, и слезы закипали в его серых глазах.

В это время у Лунных Садов дважды пропел рог. Тут же сигнал подхватили другие рога, понесли дальше и дальше весть о том, что король вошел во второй храм.

А вскоре шествие вновь двинулось на запад. Гремела музыка, чинно выступали придворные и их жены в нарядах пышных и ярких, как розы дворцовых теплиц. Издали бросались в глаза парадные камзолы дворцовой стражи. Плыли над толпой три паланкина – золотой, черный, перламутровый. Шесть прекрасных всадниц, улыбаясь, бросали на носилки зерна, а в толпу медь. И дрались из-за монет веселые прохожие, и была эта драка частью праздника,

а музыка все гремела и гремела, и мерно, чуть заметно покачивались над толпой паланкины с тремя правителями Гурлиана...

2

– Храм, безусловно, красив, – учтиво признал Рахсан-дэр, глядя на здание, украшенное развевающимися полотнищами и похожее на корабль под всеми парусами. – Ваш бог, повелевающий ветрами, несомненно им доволен. Но мы с Нитхой-шиу лишим себя удовольствия узреть его внутреннее убранство.

Сходную тираду Рахсан-дэр произносил еще у храма Того, Кто Колеблет Морские Волны, поэтому все только кивнули в ответ.

– Я вижу вывеску книготорговца, – продолжал вельможа. – Мы с Нитхой-шиу проведем там время с пользой. Ты с нами? – снисходительно обернулся он к Дайру.

Юноша просиял. В храм ему вход заказан, а в лавку одному соваться было неудобно.

– Вот и славно, – кивнул Шенги. – Да, если в толпе потеряем друг друга – встретимся в таверне «Лепешка и ветчина». Там и перекусить можно будет.

– Ну, мы-то с Нитхой-шиу не потеряемся! – обиделся старик.

* * *

Хозяин книжной лавки скучал в одиночестве и бранил себя за то, что не догадался запечатать лавку в явно неприбыльный день. Ну, кого сегодня интересуют рукописи?

Поэтому появление пожилого наррабанца с девочкой-родственницей и со слугой торговец воспринял как дар судьбы и в знак уважения перешел на родной язык гостя. По-наррабански купец говорил бегло и правильно, чем сразу заслужил симпатию Рахсан-дэра.

На прилавок легли старинные свитки и более поздней работы бумажные книги. Хозяин понял, что ему повезло даже больше, чем он ожидал: гость оказался не высокомерным невеждой с тяжелым кошельком и пустой головой, а человеком, влюбленным в историю, запечатленную на пергаменте.

Сам торговец считал себя (и не без оснований) глубоким знатоком именно наррабанской истории и литературы, поэтому спор, вспыхнувший над прилавком, не имел ничего общего с вульгарным торгом. Книга – это вам не пучок петрушки в зеленом ряду.

– Да сожрут меня гиены, почтенный, если этот сборник стихов относится к году Летучей Рыбы Багрового Круга. У нас в Наррабане даже младенец, едва научившийся лепетать, скажет, что поэтический стиль «узор дождя» появился позже, в годы Белого Круга, когда творили великие Ракхад и Зарраш, да просияют их имена сквозь века внукам и правнукам нашим!

– О мой многоученный гость! Младенцу, едва научившемуся лепетать, простительна подобная ошибка. Но твои благородные седины красноречиво говорят о мудрости. А потому взгляни на эти строки о строительстве Великого Канала. Разве имеется в виду не Бездонный Канал между реками Тхрек и Шерчи?..

Нитха, заскучав, отодвинулась к открытой двери. Оттуда виден был храм и идущие к нему прохожие – зрелище для нее куда более интересное, чем куски старого пергамента.

Вот толстая нарядная мамаша ведет двух малышек, а те норовят приотстать и за маминой спиной дать друг другу пинка.

Вот расфуфыренная, вся в лентах и кружевах девица идет, высоко подняв голову и не глядя по сторонам, а за нею торопится парень, забегает то справа, то слева, что-то говорит, но надменная красотка его не слушает. Поссорились, видно.

Вот два циркача с медведем на цепи, за ними – стайка счастливых ребятишек... Ну, тут уж девочка едва удержалась на пороге!..

Но вдруг впереди, там, куда стремились нарядные прохожие, возникло смятение, послышались крики... и Нитха увидела, как меж тревожно трепещущими полотнищами-«парусами» потянулись струи дыма.

– Дайру! – вскрикнула девочка и выбежала на улицу.

А почтенный наставник, забыв о вверенной его заботам знатной девице, спорил с торговцем о том, какой из наррабанских каналов тот самый, воспетый в стихах.

В разгаре спора Рахсан-дэр заметил у своего плеча восторженную физиономию Дайру, который с упоением внимал каждому слову.

Рахсан знал мальчишку три года, ценил его начитанность и ум и даже тайком пытался купить его у Бавидага – увы, неудачно. И сейчас старику захотелось удивить собеседника. Он ухмыльнулся и по-наррабански спросил Дайру:

– Что ты думаешь об этом свитке, малыш?

Торговец растерянно замолчал: при чем тут слуга, место ли ему в ученой беседе?

Дайру не подвел Рахсан-дэра. Все-таки он был сыном смотрителя анмирской библиотеки, помогал отцу разбирать, «лечить» и переписывать рукописи. И сейчас, вспомнив отцовские слова, он учтиво ответил:

– Я мало знаю о каналах, господа мои. Но вот эта буквица... – Дайру, не касаясь пальцем пергамента, указал на красочную миниатюру – заглавная буква «тхи», увитая виноградной лозой. – Она высотой в пять строк, а известно, что не только в году Летучей Рыбы, но вообще до конца Багрового Круга буквицы принято было рисовать высотой в три строки и гораздо проще. Крупные буквицы ввел в начале Белого Круга – точнее, в году Крокодила – знаменитый художник Аххар из Горга-до, он же и усложнил орнамент...

У книготорговца отвисла челюсть.

Рахсан-дэр рассмеялся, одобрительно взъерошил белобрысые вихры Дайру и хотел сказать торговцу что-то ехидное...

Но тут и послышался вскрик девочки.

Дайру первым очутился на пороге, завопил: «Нитха-а!» – и кинулся вслед за мелькающим в толпе ярким покрывалом.

Рахсан-дэр выбежал следом, в панике завертел головой. Но Нитхи было уже не видно.

* * *

А в это время в храме Того, Кто Хранит Неразумных Тварей, дела пошли немного веселее. В кошеле на поясе Шерайса уже бойко позвякивало несколько медяков, а стоящий в темном углу берестяной короб до половины наполнился съестными приношениями.

Нищим у входа тоже перепало немного меди. Они горланили, выставляли напоказ свои увечья, моля о милосердии. И все-таки жрец не мог отделаться от странного ощущения: что-то было не так. Он не смог бы объяснить, что именно не так, но время от времени ловил на себе холодные выжидающие взгляды. Словно сидела у порога злобная, но хорошо обученная собака, ожидающая лишь команды, чтобы броситься и разорвать.

Может, это из-за появления бродяги со сломанным носом?..

Шерайс с досадой отогнал от себя мысли, не подходящие праздничному дню, и с приветливым лицом обернулся к вошедшим в храм мужчине и женщине средних лет.

Не понравились они жрецу. С первого взгляда не понравились. Вроде бы и одежда праздничная, и узелок у женщины в руках... а в глазах нет выражения, которое Шерайс сегодня видел почти у каждого: мол, вот я какой молодец, богов не забываю! У этой парочки вид был настороженный и злой, словно они всю дорогу в храм бранились меж собой, а на пороге святилища ссору на время оставили.

Женщина – костлявая, остролицая – шла на шаг позади мордастого, набыченного супруга. Но именно на ней, не красивой, не юной, задерживался взгляд. Муж казался заурядным по сравнению с этой особой.

Почему Шерайсу казалось, что от нее веет опасностью? Что было причиной? Сухой блеск темных глаз? Быстрое, резкое движение, когда ее окликнул муж? Не просто повернула голову – шевельнулись плечи, все тело... Коротко дернулась на голос – и снова застыла.

«Щука, – подумал Шерайс. – Ой, щука...»

Муж женщины, приветствовав жреца, завел с ним разговор о кобыле, которая недавно ожеребилась:

– Вот, стало быть, ежели жеребенка благословить, чтоб не болел... его надобно в храм доставить? Или как?..

– Совсем это не нужно! – объяснил Шерайс. – Достаточно принести жертву вином и зерном, а я вознесу молитву.

Мужчина сделал шаг в сторону, и Шерайсу, чтобы оставаться лицом к собеседнику, пришлось повернуться. Теперь он стоял спиной к жертвеннику. Почему-то меж лопаток пробежал холодок, мелькнула глупая мысль: вот сейчас женщина ударит в спину!

Что за вздор...

– Вином да зерном – оно понятно, – продолжал гудеть мужчина. – А только не крепче ли будет дело, ежели скотинку малую сюда представить?

Шерайс снова начал растолковывать непонятливому владельцу жеребенка, что многие и впрямь приводят животных в святилище, это вообще единственный храм, куда можно привести неразумную тварь... но зачем, если боги одинаково хорошо видят жеребенка и в храме, и в хлеву?..

Договорить жрец не успел.

Полутемный храм озарился разом, до самого купола. По ноздрям ударил запах – смесь горелой ткани с какой-то кислятиной. Шерайс не успел ничего сказать, не успел даже обернуться, как женщина прокричала:

– Пожар!

В этом крике не было ни растерянности, ни страха. Он прозвучал, как призыв к бою. И тут же за порогом взревели ответные голоса:

– Пожар!

– Храм горит!

– Гнев богов на нас, люди!

Спутник «щуки» схватил Шерайса за руку и поволок к двери. Женщина вцепилась в другую руку. Жрец в растерянности пытался упираться, но непрошенные спасители были сильнее. Краем глаза Шерайс увидел немыслимое зрелище: огненный фонтан, вставший над жертвенником. Искры парили в воздухе и пчелами впивались в сухое дерево стен.

Мужчина и женщина вытолкнули Шерайса на улицу, в возбужденную галдящую толпу. И тут к жрецу вернулся голос:

– Люди, несите воду! Во имя Безликих, не дайте храму сгореть!

Толпа всколыхнулась. Кто-то кинулся к соседним домам, кто-то уже волок ведро от ближнего колодца, попробовали выстроить цепочку, но она распалась... все было нескладно, недружно, нестройно... а из окон уже валили клубы дыма, пробивающиеся изнутри языки пламени лизали оконные рамы.

Серыми сухими листьями носились в толпе нищие. И каждый рассыпал вокруг себя горькие злые слова:

– Храм, а горит хуже амбара... не заступаются боги-то...

– В светлый день... в праздник... нету нам милости...

– Сами виноваты, прогневали... на корабли тратимся, заморские земли вздумали искать... про свои не думаем...

Попытки спасти святилище стали совсем жалкими. А пламя уже лизало край крыши.

Шерайс, глядя, как гибнет то, что было сутью его жизни, сказал негромко и жалобно:

– А ведь просили же мы денег у короля... Будь храм каменным – не сгорел бы...

Рядом возникла смуглая рожа со сломанным носом, взметнулись черные сальные патлы:

– Что ты сказал, святой человек? Окажи милость, повтори... – И во весь пронзительный голос: – Эй, за– ткнулись! Жрец Шерайс скажет мудрое слово!..

Ну, тишина перед горящим храмом не воцарилась. Но люди поблизости, как ни странно, замолчали, обернулись к жрецу и нищему.

Шерайс почувствовал, что угодил в нелепую ситуацию. Но промолчать было немислимо – а косноязычных и тупых жрецов просто не бывает, таких и в ученики не берут!

– Я сказал этому доброму человеку, – с привычным достоинством произнес Шерайс, – что напрасно король отказал городскому жречеству в средствах на возведение каменных храмов. Конечно, правитель обязан думать и о других нуждах страны, в том числе и о строительстве кораблей, но боги – это боги, и я...

Договорить Шерайсу не удалось.

– Слышали? – возопил нищий. – Все слышали, что сказал святой человек?! Это истина! Это знак! «Боги – это боги!» – сказал он, и сами Безымянные говорили его устами! Гнев богов на этом грешном городе!

Толпа откликнулась ропотом ужаса.

– Спасем себя, братья и сестры, спасем семьи свои! – страстно воззвал нищий. – Корабли на верфи – причина бед! Это сама гордыня людская! Из-за них не дано было денег на достойные жилища для Безликих! Докажем же богам, что мы их покорные дети! Огня на проклятые корабли!

– Огня! – взрычала обезумевшая толпа.

– С нами мудрый жрец Шерайс! Наш святой вождь! Он поведет нас на верфи!..

– Шер-р-ра-айс! – выдохнул многоголовый зверь.

Молодой жрец хотел было объяснить, что и не думал подбивать горожан жечь корабли... но никто его не слушал.

Сильные руки подхватили Шерайса. Он испуганно пискнул и понял, что сидит на доске, выдранной из забора. Доска эта плывет по воздуху на уровне плеч беснующейся толпы. И еще Шерайс понял, что одно неосторожное движение – и он сорвется под ноги тем самым людям, что подняли его так высоко. И будет беспощадно затоптан.

Жрец оглянулся, чтобы бросить последний взгляд на свой догорающий храм, от которого его уносила безжалостная толпа. Но сидеть на доске вполоборота – опасно, и бедняга устремил взгляд вперед.

Вцепившись обеими руками в доску и глядя в затылки идущих впереди мятежников, Шерайс изо всех сил старался забыть то, что успел мельком увидеть на оставшейся позади улице.

У порога догорающего храма лежал мальчик, угодивший под сапоги обезумевших взрослых. Длинные волосы, рассыпавшись, закрыли лицо, рука беспомощно откинута в сторону... Рядом валялась опрокинутая корзинка, и толстый серый щенок недоуменно обнюхивал пальцы своего недвижимого маленького хозяина...

* * *

Аргосмирские храмы вспыхнули почти одновременно. И повсюду из смятенной, объятаго ужасом толпы неслись крики: «Боги гневаются на трех правителей!»

Возле трех святилищ, расположенных в восточной части города, криками дело пока и ограничилось. Вокруг лежали богатые кварталы, от любого из храмов видна была крыша дворца. Пожары были быстро потушены, а народное смятение ослабло и превратилось в шушуканье по углам.

Тем не менее богатые горожане поспешили разойтись по домам, заперли окна и двери, посадили под замок рабов, вооружили наемных слуг и велели охранникам быть начеку. В богатых кварталах знали, что, по каким бы поводам ни буянила чернь, а поджогам и грабежам быть обязательно.

Куда свирепее откликнулась на пожары западная часть города – та, что ближе к морю. Из Бродяжьих Чертогов, из Гнилой Балки, из Рыбачьей Слободки, из небогатых ремесленных кварталов, из матросских портовых притонов хлынула к горящим храмам беднота. Она была горластой, пьяной и злой, она кричала подса- занные кем-то слова про святотатство, она рвалась крушить и драться – все равно что крушить, все равно с кем драться.

Эту злость, ищущую выхода, умело направляли крутящиеся среди толпы подстрекатели. И не один солидный ремесленник или почтенный лавочник, мирно шедший в храм помолиться, вдруг оказывался в центре бешеного людского водоворота и вместе со всеми начинал кричать все азартнее: «Бей! Ломай! Круши!»

* * *

Пламя, бьющее с жертвенника, бросалось на стены храма Того, Кто Повелевает Ветрами. Огромные темные бревна стойко сопротивлялись натиску огня, полыхал только деревянный ларь для подношений. Но искры, вылетевшие в большие окна, хищно вцепились в огромные полотнища, которые, подобно парусам, развевались снаружи.

Храм и сейчас походил на корабль – но корабль гибнущий, из последних сил держащийся на поверхности.

Вокруг вопила, ужасалась и молилась толпа, и была она куда больше того сборища, которое сейчас поднимало на руки испуганного жреца Шерайса. Здесь тоже раздавались выкрики про гнев богов, нищие тоже увеличивали сумятицу. Но люди не рвались жечь корабля (хотя такие предложения и звучали). Ситуацией овладели четверо жрецов. По их приказу те, кто жил неподалеку, бегом притащили ведра. Выстроились две цепочки к колодцу. Люди старательно тушили пламя. Правда, не нашлось смельчака проникнуть внутрь и плеснуть прямо на жертвенник, с которого бил неистовый огненный фонтан...

Шершень, который успел прикинуть расстановку сил, был очень недоволен.

– Ты кого нанял, огрызок? – зло спросил он Айсура. – Не крикуны, рыба снулая!

– Храм-то все равно сгорит! – снизу вверх попытался отвякнуться главарь уличной шайки.

– Мне плевать, сгорит он или нет! Нам надо напустить этот сброд на верфи! Скажи своим доходягам, чтоб погромче орали. А я...

Шершень замолчал, взгляд остановился на белобрысом юнце. Тот вертел головой, высматривая кого-то в толпе. Атаман не сразу узнал его из-за нарядной одежды, но сейчас...

– Видишь вон ту лопухую жердь?

– В ошейнике? – уточнил Айсур.

– Он самый... Мне надо прижать его в тихом месте. Он, гаденыш, кое-что знает. И это «кое-что» я из него вытряхну.

Айсур не стал задавать лишних вопросов.

– Сделаем. Скажу своим парням.

– Во-во, скажи, а я займусь жрецами...

* * *

Нитха рыбкой сновала в толпе. Страх схлынул, осталось острое душевное возбуждение, горячие иголки в сердце. Пожар! Сумятица! Крики! Это вам не пыльная скука книжной лавки!

То, что горит храм, а не какой-нибудь склад вяленой рыбы, девочку не особенно волновало. Если боги не могут защитить свое имущество, значит, оно им не так уж и нужно. Гораздо интереснее было волнение человеческого моря, ведра с водой, плывущие по живой цепочке, пронзительные вопли нищих, искаженное отчаянием лицо жреца, который одновременно пытался молиться и командовать тушением пожара.

Внезапно девочка насторожилась: позади низкий женский голос простонал на выдохе:

– О, Гарх-то-Горх! О, тэри хмали саи ну!

Слова выплыли из пестрой разноголосицы, заставили девочку обернуться. Кто возле храма гурлианского бога вызывает к Единому-и-Объединяющему? Кто провидит свою горькую судьбу?.. Вот она, эта молодая женщина – полная, черноглазая, в грайанской одежде, но платок повязан так, как носят в Нарра-до: узел сзади, длинные концы платка переброшены через левое плечо. По щекам – дорожки слез.

Нитха протолкалась ближе к женщине, учтиво поздоровалась:

– Сто лет жизни тебе, старшая! Отчего ты плачешь?

– Ты говоришь по-наррабански, о дитя газели? – обрадованно вскинулась женщина. – Боги родины моей привели тебя сюда!

– Нашей родины, старшая, нашей! Я из Нарра-до, меня зовут Нитха-шиу.

– Хорошего мужа тебе, о цветок граната, за то, что заговорила со мной! Мое недостойное имя – Тхай...

– В чем твоя беда, Тхай-вэш, и могу ли я помочь тебе?

– Тхай-гур, – поправила ее женщина, – я рабыня.

Рабыня, вот как? А одета не хуже супруги ремесленника или мелкого лавочника, вон даже тоненький серебряный браслет на руке...

Женщина словно прочла мысли девочки. В горестном голосе вдруг пробились горделивые нотки:

– Мой хозяин – Дейшагр Соленая Гора из Рода Декшер, купец из купцов! А я – низкая тварь, которой господин доверил единственного сына... О-о, слепоту на мои глаза, проказу на мою кожу, щупальца Гхуруха на мою душу... не уберегла, потеряла...

Что ж, все ясно. Няня – любимая служанка, почти член семьи. Но и спрос с нее серьезнее, чем с других рабынь.

Тхай продолжала причитать. Нитхе пришлось прикрикнуть на нее. Рабыня проглотила слезы и связно объяснила, в чем дело.

Оказывается, с утра няне было велено отвести пятилетнего малыша к матушке господина, почтенной вдове мастера-чеканщика, чтобы малыш погостил у бабушки и не мешал взрослым готовиться к праздничному пиру. Да, Тхай почти не знает здешнего языка, но дорогу она помнит прекрасно, ходила раньше вместе с хозяйкой. Она совсем-совсем ненадолго задержалась у колодца на перекрестке: увидела знакомую служанку, перекинулась парой слов на родном языке. А за это время молодой господин исчез!

Тхай, невзвидев света, помчалась искать свое сокровище. Заглянула в два переулочка, прибежала на площадь – а тут творится такой ужас...

Доброе сердце Нитхи немедленно преисполнилось жалостью к малышу, который оказался без присмотра в огромном городе. Конечно, по улицам носятся беспризорники и

помладше, но те родились и выросли в канаве, улица им – дом родной. А этот – домашний, балованный...

– Он у вас раньше не терялся?

– Один раз выскочил за калитку и побежал за гадалщиком и его обезьянкой. Но мы это сразу заметили и вернули нашу радость, хвала всем богам Наррабана и Гурлиана!

Нитха подняла ладонь, жестом приказав рабыне замолчать, и нахмурилась. Что-то проплыло в ее памяти...

– Скажи, Тхай-гур, когда ты болтала у колодца, не прошли ли мимо тебя два бродячих циркача с медведем?

Слова «медведь» нет в наррабанском языке, и Нитхе пришлось торопливо и раздраженно описать зверя.

– Да! Проходили! Рхейя – та служанка у колодца – еще сердилась, что стража пустила в город злого зверя...

Тут голос рабыни пресекся, она ахнула.

– Ну, поняла? Я тоже видела циркачей, они шли в сторону площади, а за ними бежала ребятня. Но задержаться на храмовой площади им не позволили бы жрецы, так что они свернули на другую улицу. Ищи циркачей, расспроси прохожих...

– О сердцевинка бутона, как же я расспрошу прохожих, если не знаю их языка? Помогите мне, умоляю, во имя твоих будущих сыновей!

Нитха поняла, что угодила в трясины обеими ногами. Повернуться и уйти было невозможно.

Ну что ж... ведь она знает, где потом найдет учителя и мальчишек. В таверне «Лепешка и ветчина».

– Ладно пойдем искать твоего молодого господина. Как его зовут?

– Его имя Дейлек, о моя дождевая капелька! Дейлек Соленый Стебель, и нет на свете малыша более умного и красивого!

Обе наррабанки не без труда выбрались из толпы, обогнули храм и свернули в ближайший переулок.

Заметив по правую руку дом, обнесенный решетчатой оградой, Нитха заговорила со старой женщиной, что стояла у калитки и тревожно смотрела на клубы дыма в небе.

И тут девочке повезло.

Да, женщина видела циркачей с медведем, за ними бежала стайка ребятшек. Нет, она не заметила среди них темноволосого малыша в желтой рубашке, она смотрела на медведя... Куда ушли циркачи? По переулку, там особняк виноторговца, а мимо него – к Старому рынку, больше некуда... Догнать актеров? Нет, здесь не получится. Едва над храмом появился дым, как слуги виноторговца перегородили конец переулка решетками. Бойтся соседка, что под шумок к нему сунутся грабители. Так что теперь мимо особняка не пройти... Как быть? Ну, раз такое дело, раз ребенок пропал... так и быть, можно пройти через двор и выйти сквозь заднюю калитку в Голубиный переулок, а оттуда – на Тележную улицу. Она, должно быть, по случаю шествия перекрыта, циркачи наверняка там застряли.

Рассыпая благословения на двух языках, наррабанки обогнули дом, прошли через чистенький дворик и вы- шли в Голубиный переулок. Старушка заперла за ними калитку.

* * *

Дайру показалось, что яркое покрывало отделилось от толпы и исчезло за углом горящего храма.

Он кинулся следом – но тут его перехватил совершенно ошалевший от происходящего стражник. Невесть с чего заподозрив в парнишке злоумышленника, он потребовал объяснений: что парень здесь делает и где его хозяева?

Дайру, сделав честные и чистые глаза, начал рассказывать о хозяине, которого потерял в этой сутолоке и теперь ищет. Говорил он убедительно и жалобно. Стражник потерял к нему интерес, махнул рукой – мол, проваливай! – и напустился на другого подозреваемого.

Ругнув про себя стражника за задержку, Дайру поспешно свернул за угол храма.

В толпе, что тушила пожар, Нитхи не было. На всякий случай юноша заглянул в ближайший переулок. В дальнем его конце у калитки стояли две женщины, на одной было знакомое покрывало. Юноша поспешил было туда, но увидел, что калитка отворилась, пропуская женщин, и захлопнулась вновь.

Выходит, ошибся. Какие-то незнакомые горожанки поспешили домой, опасаясь, что их задавят в толпе. Вот и все. Надо возвращаться, искать Нитху.

Дайру обернулся – и обнаружил, что его сверху вниз разглядывает богатырь с младенческим лицом.

Что разглядывает – это полбеда, а вот что при этом поигрывает увесистой дубинкой...

– Ужасное дело вышло с храмом, верно? – дружелюбно обратился Дайру к верзиле. – Как нарочно, в самый праздник...

– Угу... – растерянно отозвался верзила с дубинкой. Он не ожидал такой приветливости от возможной жертвы.

– Все бегают, кричат, бранятся... – сокрушался Дайру. – А ведь сегодня такой день, что ругаться нельзя. И драки затевать нельзя. Грех!

– Угу, – без особой уверенности кивнул верзила.

– Надо бы нам вернуться к храму, – предложил Дайру, – может, сумеем помочь...

– Угу! – оживился верзила: он услышал разумные, понятные даже ему слова.

Вдвоем они покинули переулок. Верзила держался рядом с Дайру, не отходя ни на шаг. Юноше не нравилось соседство этого медведя с дубинкой, который объяснялся одним словом «угу» и от которого веяло странной смесью простодушия и опасности.

Выйдя из переулочка, оба оказались у задней стены храма. Длинные полотнища пылали, пламя четко обрисовало контур окна – но рядом никого не было! Почему никто не гасит пожар, демон их побери?!

* * *

Дайру не подозревал, что вся толпа стянулась к пылающему входу в храм и, забыв о спасении святилища, слушает яростную, страстную речь красотки Лейтисы: шайка Шершня не сидела сложа руки.

Половину эффектных фраз рыжеволосой разбойнице поспешно нашептывала засевшая у нее в душе опытная интриганка Орхидея, но и у самой Лейтисы язык был прекрасно подвешен. Бывшая актриса овладела вниманием толпы, подчинила ее себе.

Женщина стояла на высоком крыльце почти у пылающих дверей храма, не обращая внимания на то, что на нее мог обрушиться догорающий карниз верхнего окна. Огонь был восхитительной декорацией для ее выступления. Она вплетала в свою речь стихотворные строки из старых пьес – и тирады эти были уместны и прекрасны. В глазах толпы женщина, раскрасневшаяся от волнения и жара огня, была то ли героиней, то ли святой, и каждый готов был за нее в любую драку.

Жрецы, почуяв переломившееся настроение толпы, притихли. Только один, самый властный, пытался перебить невесть откуда взявшуюся нахапку. Но к жрецу протолкался Красавчик, незаметно для чужих глаз приставил к его ребрам нож и сказал негромко:

– Не д-дури, стой т-тихо, баба дело г-говорит...

Когда Лейтиса умолкла, ей в ответ взметнулся рев. Люди кричали, потрясали кулаками, швыряли в воздух матросские шапки с широкими мягкими полями... Даже жрецы боялись молчать в этот миг.

Нургидан, которого беснующаяся орава оттеснила от учителя, был одним из немногих, кто не влил голос в общий вопль. Юноша не поддался чарам горластой бабенки, с горящего крыльца призывающей народ к новым пожарам. Храм заново не выстроится, если поджечь какие-то корабли! (Нургидан так и не понял, при чем тут верфи и зачем туда надо немедленно бежать.)

Многоголосие било по слуху молодого оборотня, смрад от сгрудившихся вокруг людей мучил его чуткий нос. Юноша морщился, прикидывая, как лучше выбраться из толпы, поломав поменьше чужих ребер и не дав поломать свои.

Тут над ухом у Нургидана словно колокол ударил:

– На верфи! Огня на корабли!..

Нургидан, на мгновение оглохший, помотал головой и обернулся: у кого это такая луженая глотка?

– Тебе что, в штаны горячих углей насыпали? – поинтересовался он у рябого широкоскулого парня. – Чего взвыл – думаешь голосом ворону убить? С таким хрустальным горлышком надо наняться в королевские глашатаи. На Дворцовой площади рявкнешь – за стеной путники услышат.

– Сам дурак, – исчерпывающе ответил рябой горлопан – и тут же спохватился: – Э, а ты то чего помалкиваешь? Добрые люди глотки сорвали, а ты молчишь?

И грязная рука дернулась к лицу Нургидана, чтобы насмешливо постучать по лбу.

Вот уж дотрагиваться до себя юный Сын Рода всякой дряни не позволял!

Рука Нургидана перехватила кисть наглеца и с хрустом вывернула.

Вой рябого парня слился с воем толпы: Лейтиса на крыльце призывно взмахнула рукой – и горожане отозвались сворой псов, завидевшей добычу.

– Ну, падаль... – прорыдал пострадавший наглец. – Ну, на костер ляжешь...

– Все там будем, – ухмыльнулся Нургидан. Приключение определенно начинало ему нравиться. – Но пока не выросла елочка, которую срубят мне на костер.

Рябой резко побледнел, баюкая вывихнутую кисть. По грязным щекам текли слезы.

– Я... нашим парням... Они тебя в клочья... в месиво...

Нургидан хотел сказать, что он думает о парнях, которые не брезгают дружить с блохастым сусликом. Но тут толпа содрогнулась, качнулась, подхватила двух новых врагов и потащила их в разные стороны.

– На верфи! На верфи! – грохотала толпа.

– Еще найду!.. – посулил плачущий голос откуда-то из-за спин.

Нургидан не ответил на угрозу: он боролся с людским потоком, который, вытягиваясь, начал вливаться в соседнюю улицу.

* * *

А в это время к настороженному Дайру и растерянному верзиле подбежал, вынырнув из-за угла, юнец с изуродованной переносицей и шрамом через всю щеку.

– Нашел? – радостно завопил он. – Молодчина, Айрауш! Держи его, не выпускай!

Верзила Айрауш, получив четкую команду, отбросил все сомнения, насупил младенческую физиономию и грозно поиграл дубинкой.

– Какого демона вам нужно? – процедил Дайру, поняв, что договориться по-хорошему не получится. – Грабить меня решили? Из ценного один ошейник. Забирайте, вам пойдет!

Не сводя глаз с ершистой жертвы, юнец нагнулся и поднял с земли камень.

– Ты, приятель, хоть бренчи языком, хоть не бренчи, а только никуда ты отсюда не уйдешь, пока с тобой серь– езные люди не потолкуют.

– Слышь, что Чердак говорит? – подхватил верзила, которого, оказывается, звали Айраушем. – Стой и не дергайся.

– Надо же, – изумился Дайру, – ты и другие слова знаешь, кроме «угу»?..

Он небрежно дал котомке соскользнуть с плеча по руке, перехватил лямку ладонью и взмахнул хлестко, умело, сильно. Он метил в глаза Айраушу, и влепил бы, дело привычное... но одновременно с его резким движением Чердак швырнул булыжник.

Бродяга целил в голову Дайру, но промахнулся, камень ударил в локтевой сустав. Руку пронзила боль, пальцы онемели, разжались – и котомка, уже пошедшая в удар, отлетела к пылающей стене храма и исчезла в багрово-черном проеме окна.

Нападающие на миг онемели, проводив ее взглядом. Тут бы Дайру и рвануть на прорыв... но он замешкался, потирая отчаянно ноющую руку.

А когда все трое опомнились, из-за угла храма показался четвертый. Он приблизился уверенно, по-хозяйски:

– Ага, сделали, что велено?.. Ну, молодцы, молодцы, при расчете не обижу!

Шершень подошел к Дайру, жестко глянул пленнику в лицо:

– Помнишь меня, крысенок?

Дайру мысленно пообещал себе: если выживет, обязательно научится драться левой рукой. И ответил спокойно и учтиво:

– Помню, господин. Остров Эрниди.

– Ага, недурная была драка, – скупно бросил Шершень (который из той драки еле ноги унес). И сразу перешел к делу: – Где рукопись?

– Какая рукопись? – не понял юноша.

– Не хитри, крысенок. В землю вобью. Сам знаешь, что мне нужно.

– Не та ли рукопись, которую в Издагмире у нас кто-то пробовал украсть?

– Та самая. Не прикидывайся дурнем.

– Ах, эта... Эту можете взять хоть сейчас. Только жарковато будет доставать.

– Что?!

– Я ее дома не оставлял, везде при себе носил, – сообщил Дайру с честным взором. – Она была в котомке. А вот эти двое меня по руку ударили, котомка вылетела – и в пламя...

Шершень обернулся к своей незадачливой армии. Страшен был его взгляд. Зубастые уличные звереныши, воображавшие себя грозными хищниками, поджали хвостики, заскулили и пустили лужицу...

В этот миг раздался тревожно-радостный голос:

– Дайру! Ты здесь, сынок! А где Нитха, ты же с нею был? А я Нургидана потерял, хожу, ищу...

Расстановка сил резко изменилась: на поле боя появился Шенги Совиная Лапа.

Одним взглядом окинул он оборванцев, стоящих вокруг его ученика. Бросил Шершню одно лишь тяжелое слово:

– Помню.

И перенес внимание на юных грабителей:

– Эй, старые знакомые! У тебя, паренек, новая дубинка? Помнишь, как я прежнюю-то – в щепки, а?

Чердак и Айрауш, не сговариваясь, развернулись и со всех ног дунули в переулок. Шершень с бессильной ненавистью поглядел вслед дезертирам.

– А у тебя, приятель, и дубинки нет... – посочувствовал Охотник последнему неприятелю. – А вот я никогда не бываю безоружным!

И выразительно продемонстрировал разбойнику лапу со стальными когтями.

Шершень отпрянул. Ему доводилось слышать баллады о том, как прославленный Подгорный Охотник схватился в бою с демоном – и рука его превратилась в когтистую лапу.

Баллады балладами, а мало радости было глядеть на эти страшные когти возле своего лица.

– Они у меня рукопись требовали, – наябедничал Дайру, потирая онемевшую руку. – И по локтю камнем...

– Камнем, да? – переспросил Шенги негромко. – А вот если я ему сейчас этот камень вколочу в...

Шершень не стал дослушивать, куда знаменитый Охотник собирается ему вколотить камень. Просто исчез, как будто его здесь не было. Перед кем было атаману геройствовать?

* * *

Толпа, стараниями Лейтисы доведенная до экстаза, двинулась к верфям, оставив храм догорать. Месть – вот что звенело в каждом сердце! Свою прекрасную предводительницу горожане несли на плечах – так же, как другая толпа несла жреца Шерайса.

Айсур шел с толпой, весело насвистывал и думал о том, что эта яростная людская река движется по его воле. Каждый из этих людей побрезговал бы даже дать пинка уличному воришке из мелкой банды. А вместе они – тупое стадо, и он, Айсур Белый Плавник, гонит это стадо куда хочет, словно пастух...

Внезапно юнец увидел человека, прижавшегося к стене дома, чтобы пропустить толпу. У человека была приметная внешность – рыжие волосы при очень смуглой физиономии. Но не это привлекло внимание уличного воришки, а кошелек на поясе незнакомца. Дорогой кошелек, из хорошей кожи, причем явно не пустой...

Что ж, если этот умник не желает топтать в стаде – пусть расплачивается. Сегодняшние грозные события укроют мелкую кражу!

Поравнявшись с незнакомцем, Айсур ловко сдернул кошелек с пояса и привычно ввинтился в толпу. Ведь не погонится же за ним этот прилично одетый горожанин, которому лишь бы ввязаться в неприятности!..

Но Айсур крепко ошибся. Не знал он Фитиля. И не знал, что значит для Фитиля этот кошелек. Эту дорогую, памятную вещь подарил учитель в день, когда Фитиль надел гильдейский браслет. И сказал: «Держи, сынок, пусть он у тебя всегда будет набит по завязку!»

Первый раз довелось тогда Фитилю услышать слово «сынок». И подарок тоже был первым и последним в жизни...

Эти мысли Охотник додумывал, уже догоняя толпу.

Плывать ему на верфи, на корабли, на вопли о мести! Поймать карлика-воришку, выдрать ему соломенные патлы и отобрать заветный кошелек!

* * *

Голубиный переулок был не по-праздничному пуст. Ворота, украшенные лентами и деревянными цветами, были наглухо заперты. И ни одного прохожего – хотя, казалось бы, люди должны спешить к Тележной улице, чтобы хоть краешком глаза увидеть блистательное шествие трех правителей. Да и дым над храмом, похоже, совсем не заинтересовал здешних жителей. Забились в дома, как зверье забивается в нору, чуя облаву.

Тхаи нетерпеливо огляделась. Изгибы извилистого переулочка не позволяли увидеть, что происходит за три дома отсюда.

– Пойдем скорее, дитя! Нам нужна Те-ле-дж-ная улица!

Нитха отстранила руку женщины, тронувшую ее локоть.

– Мне страшно, – сказала она негромко, каким-то чужим голосом.

Будь здесь ее напарники, они не удивились бы этим словам. Только насторожились бы, зорче глянули по сторонам. Передряги в Подгорном Мире давно отбили у них охоту смеяться над тем, что когда-то они называли «девчачьей трусостью».

Не удивилась этим словам и Тхай – но по другой причине. Юная девушка в чужом городе, а рядом ни отца, ни брата... как тут не оробеть!

– Не бойся, моя ласточка, Тхай сумеет защитить тебя! Пойдем же!

Нитха мимолетно улыбнулась при мысли о том, что эта женщина собирается защищать Подгорную Охотницу. Но тут же вновь посерьезнела:

– Что-то здесь не то... и расспросить некого. О Гарх-то-Горх, пошли нам прохожего!

И тут же – словно ответ на эти слова – послышался шум, подобный рокоту набегающей волны. С криком и топотом в переулок хлынула толпа, вооруженная камнями, палками, кое-кто размахивал даже мечом, что в городе и в будни-то не дозволялось, не то что в праздник.

Женщин отшвырнули к забору. Тхай вовремя ухватила Нитху за руку, только поэтому их не разбросало в стороны, как два листа в бурю.

– О Гарх-то-Горх, – изумленно пробормотала Нитха, – спасибо тебе, но это уж чересчур!

– Отомстим за храм! – вопила толпа. – Исполним волю богов! На Тележную улицу! Они заплатят за свои грехи, эти разряженные чурбаны! На Тележную! Бей стражу!

Обе наррабанки пытались удержаться возле забора, но людской поток тащил их вдоль высоких некрашенных досок, тащил медленно, но неотвратно. Обе понимали, что впереди ждет что-то ужасное, и не хотели очутиться там, где начнет расправу обезумевшая толпа.

Нитха скользила ладонями по доскам, обдирая пальцы, пытаясь уцепиться хоть за широкую щель, хоть за торчащий гвоздь. Под ладонь подвернулся венок из деревянных цветов. Девочка вцепилась в него... ах да, это уже не забор, это ворота, массивные, высокие. Тхай тоже уцепилась за венок, но наррабанки понимали, что долго им так не удержаться.

Нитха глянула вверх. Вскрабкаться бы на ворота! Но не достать до верхней планки!

От сильного толчка рядом рухнул на колени бородач в потрепанной матросской куртке. Скверно бранясь, он заворочался, но встать на ноги ему удалось не сразу.

А удалось ему это не сразу потому, что Нитха проворно, как белка, вскрабкалась сзади ему на плечи и, как со ступеньки лестницы, влезла на забор. Вдгонку полетело пожелание сдохнуть от дурной болезни, сопровождаемое кратким изложением родословной наглой черномазой девки. «Наглая черномазая девка» не обратила на это внимания. Ругнув свое неудобное платье, а также учителя и Рахсан-дэра, обрядивших ее в этот мешок, Нитха уцепилась за резной столбик над воротами, склонилась как можно ниже и протянула руку спутнице.

Увы, девочке не под силу было втащить вверх толстушку Тхай. Наоборот, та стянула бы ее наземь. Но на помощь неожиданно пришел бородачатый моряк. Сообразив, в чем дело, он сменил гнев на милость. Подхватил завизжавшую Тхай, посадил на ворота и пустил вслед добродушно-озорную фразу, в которой единственными пристойными словами были: «...так хоть подержаться!»

Бородачатый благодетель двинулся дальше, широкими плечами раздвигая толпу, а наррабанки остались восседать на заборе, словно две птицы... пожалуй, словно две курицы. Зрелище было нелепым и забавным.

Тхай, резко побледнев и вцепившись в левый резной столбик, изо всех сил пыталась не свалиться. Время от времени она тихонько причитала, что опозорена навеки.

Схожие мысли одолевали и Нитху, которая держалась за правый столбик, морщилась, слыша, какие шутки летят из толпы (счастье Тхай, что та их не понимала) и пыталась угадать, что сказал бы Рахсан-дэр, увидев сейчас дочь своего повелителя. Пожалуй, ничего не сказал бы, умер бы на месте...

Чтобы отвлечься от неприятных размышлений, девочка глядела туда, где сверху видна была перегороженная стойками Тележная улица. Собственно, стойки были уже опрокинуты, и стража, сомкнув щиты, сдерживала озлобленную толпу...

* * *

Городские беспорядки были продуманы хоть и на скорую руку, но толково.

Толпа от храма Того, Кто Хранит Неразумных Тварей, шла уже громить верфи. Ее догоняла другая толпа, еще более грозная, – та, которую вела Лейтиса.

А возле изящного, похожего на раковину храма Того, Кто Колышет Морские Волны, почти не упоминались верфи и корабли. Зато в избытке было бунтарских речей о правящей троице, своей скупостью навлекшей на город гнев богов.

Пожар был потушен, но толпа уже взбудораженно выкрикивала мятежные призывы. Она двинулась навстречу шествию, сметая деревянные ограждения и расшвыривая стражу.

Расчет Жабьего Рыла был прост: остановить хорошо охраняемую процессию, заставить ее повернуть во дворец. Потому что «крысоловы» и «щеголи» общими силами могли бы разогнать бунтарей у верфей.

Когда толпа вышла к Тележной улице, шествие остановилось. Придворные были в смятении – не из трусости, а от неожиданности. Нет, разумеется, навстречу шествию, опередив толпу, прибежал гонец и закричал о мятеже, но всерьез никто не верил, что в День Всех Богов город мог взбунтоваться.

Стражники подняли щиты, прикрывая сгрудившихся придворных. Над щитами летели камни и оскорбления.

Нарядная, еще недавно такая веселая знать содрогнулась, услышав рычание города.

* * *

Люди давили друг друга, протискиваясь к месту драки. Голубиный переулок под ногами женщин, сидящих на воротах, превратился в кипящий котел. Наррабанки со страхом глядели вниз и думали: что будет, если они сорвутся в клокочущее «варево»?

«Я-то ладно, – тревожилась Нитха, – но долго ли удержится на узкой планке Тхай?»

Внезапно сзади их окликнул спокойный, с ленцой голос:

– И что же это за яблочки выросли на моем заборе?

Нитха осторожно, чтобы не потерять равновесия, обернулась. Снизу вверх на нее смотрел молодой русоволосый мужчина с небольшой, аккуратно подстриженной бородкой и холеными усами. Плечистый, крепкий, в расстегнутой праздничной куртке, из-под которой видна была яркая рубаха, и в добротных штанах с вышитым поясом, он стоял, уперев руки в боки, и с прищуром разглядывал сидящих на воротах смуглянок.

– Ба, да это не яблочки, это персики заморские!

И тон, и поза, и выражение лица – все говорило ясно и недвусмысленно: «Я зажиточный горожанин, я стою на своем дворе, я хозяин всего, что видит глаз: и дома, и сарая, и бани, и поленницы под навесом, и грядок у дальнего забора. Хозяин всего добротного, солидного владения!»

– Мы прячемся от толпы, господин, боимся, что раздавят, – жалобно объяснила Нитха. – Там, в переулке, такое творится...

– Слышу я, что там творится, – пренебрежительно отозвался хозяин дома. – Дураки кричат и палками машут, умные люди по домам сидят. Вон я замок повесил – и пусть они хоть полопаются от крика!

Глянув вниз, Нитха увидела, что ворота и впрямь заперты на массивный висячий замок.

– Долго так сможете высиживать? – с усмешкой поинтересовался хозяин.

– Сколько получится, господин, – вздохнула Нитха.

– Ладно, курочки, – подмигнул мужчина, – прыгайте с насеста. Разрешу переждать заварушку в доме.

– Нельзя нам в доме, господин, у нас спешное дело.

– В такой день – спешное дело? – удивился мужчина. – Ладно, прыгайте. Выпущу через заднюю калитку в другой переулок. Там тоже была драка, но вроде уже буяны разбежались.

Нитха колебалась. Предложение было заманчивым, но девушке не нравился взгляд мужчины – цепкий, насмешливый.

Тхаи молча вслушивалась в разговор на чужом языке. Она не понимала почти ни слова, но догадывалась, о чем идет речь.

В это время из гущи боя раздался пронзительный, душераздирающий крик, переходящий в вой. Это голосил из-под чужих тяжелых каблуков бедняга, которого угораздило споткнуться. От этого вопля Тхаи дернулась и едва не сорвалась вниз.

Это помогло Нитхе решиться. Да, опасность может настигнуть их по обе стороны забора, но здесь все-таки есть надежда.

Девушка перекинула ноги через планку ворот и прыгнула во двор. Прыжок вышел довольно ловким, если не считать того, что проклятое платье задралось чуть ли не до пояса. Под веселым взглядом мужчины Нитха быстро поправила подол.

Смуглое лицо Тхаи стало бледно-серым от страха, но остаться на воротах одна она не решилась. Судорожно сжимая резной столбик, она перенесла ноги через планку и замерла.

– Прыгай, я тебя поймаю! – подбодрил ее мужчина.

Тхаи поняла не слова, а жест – вскинутые вверх руки.

Зажмурив глаза, она выпустила столбик, коротко вскрикнула и мешком полетела вниз. Хозяин дома подхватил ее на лету, бережно поставил на землю. Но когда пришедшая в себя наработанка попыталась отстраниться от мужчины, объятия не разомкнулись.

В это время скрипнула дверь дома.

– Эй, братишка, – послышался с крыльца точно такой же лениво-насмешливый голос. – Что тут еще такое?

Тот, кто вышел на крыльцо, был точной копией мужчины, позвавшего наработанок во двор. Разве что старше, в плечах пошире... ну, еще борода длиннее. Зато остальное – один к одному: и черты лица, и фигура, и это выражение «я-хозяин-всего-что-вокруг». В руке широкогорлый глиняный кувшин – праздновал человек, из-за стола встал.

– Две голубки из Голубинового переулка, – весело объяснил ему младший брат, не выпуская онемевшую от страха Тхаи. – Подарочек к празднику.

– Ты обещал выпустить нас через вторую калитку, – напомнила Нитха.

– Выпущу, не себе же оставлю! Только сначала вы нам с братишкой оплатите за нашу доброту...

Обрамленные бородой губы расплылись в ухмылке – злой, властной, обнажившей оскал ровных белых зубов.

«Ах ты, шакал!..» – взвыла про себя Нитха. Перевела взгляд на крыльцо – и увидела на втором лице ту же хищную, похотливую, беспощадную усмешку.

* * *

Король в смятении решал: что делать? Вернуться во дворец? Или приказать охране атаковать толпу, которая свирепо настроена, но скверно вооружена? Ведь надо завершить обряд обхода храмов!

– Отходим! – каркнул Эшузар с черных носилок. – Отступаем!..

Зарфест почувствовал нечто вроде благодарности: теперь легче было принять решение. Какой там обход храмов, если нарушено ритуальное молчание! Причем нарушено не им, а отцом, будет на кого свалить вину!

Рука с золотым топориком поднялась, указывая на восток, в сторону дворца.

– Отступаем! – зычно приказал командир «щеголей», перекрывая крики толпы.

Продолжая держать щиты поднятыми и сомкнутыми, стражники принялись шаг за шагом отходить по Тележной улице.

Толпа, наседая и рыча, следовала за ними, выталкивая, выдавливая прочь этих нарядных, ухоженных, блистающих драгоценностями людей. Если бы кто-то мог взглянуть на схватку сверху, ему бы показалось, что на улице идет битва меж двумя гигантскими змеями – и серая змея гонит золотую прочь.

Придворные (по обычаю, безоружные) за спинами стражников образовали второе кольцо обороны, прикрывая собой женщин. Щедрые Дамы, еще недавно с милостивыми улыбками бросавшие в толпу медь, теперь сами стали мишенью для всякой дряни, летящей из толпы. Бедняжки покинули седла и юркнули под носилки.

И лишь фигуры трех правителей оставались на виду, неподвижные и величественные, словно ничего не произошло. Страх напоказ – слишком большая роскошь для короля.

Те, кто купили место на крыше «Шумного веселья», не жалели о потраченных медяках. Зрелище стоило куда дороже.

* * *

– Что ж ты, Уншис, смугляночек во дворе держишь? – попенял старший брат младшему. – Зови в дом, найдется чем угостить.

– Говорил паук мухе: «Зайди ко мне, красавица, в кружева одену!» – ответила Нитха наррабанской пословицей.

Старший брат, сощурившись на дерзкую девчонку, поднес к губам кувшин, сделал глоток, неспешно спустился с крыльца и зашагал к Нитхе, не сводя с нее хищных глаз.

– Люблю таких бойких, – сообщил он. – В постели ой как хороши!

– Господин, – взмолилась Нитха, – мы порядочные девушки, беда привела нас на этот двор! Ради ваших богов... ну сегодня же праздник... пожалуйста, отпустите нас!

– Сказано уже: отпустим, не съедим, – хохотнул хозяин дома. – А что праздник, так вместе праздновать веселее. Я как раз Уншису говорил: «Еда есть, вино есть – баб нету!» Вот пойдем в дом, мы с тобой в одну старую игру поиграем, а Уншис с твоей подружкой позабавится. Потом винца выпьем, закусим – да и поменяемся. Ты братишку моего приласкаешь, а я с другой смуглянкой потолкую... Верно, Уншис?

– Верно, – отозвался Уншис. Не выпуская толстушку-наррабанку и обернувшись к старшему брату, он с удовольствием слушал его. Бедная Тхаи, сжавшись, боялась пошевелиться в его объятиях и молча молилась всем богам, которых могла припомнить.

Девочка судорожно глотнула воздух пересохшим ртом. Ах, почему на ней дурацкие мягкие башмачки, а не сапоги с ножом за правым голенищем? Ух, она бы тогда...

А негодяй продолжал с той же обстоятельностью:

– Визжать и звать на помощь не советую. Вон как в переулке кричат. – Он кивнул в сторону забора, из-за которого и впрямь неслись вопли, сливаясь в вой. – На выручку никто не прибежит, у этих дурней своих забот хватает. А я послушаю визг, да и осерчаю...

И снова поднес ко рту широкогорлый кувшин.

И тут Нитха с яростью и отчаянием ударила в глиняное дно!

Голова негодяя метнулась назад, края кувшинного горла впились в лицо, ломая переносицу и круша зубы.

Ручищи взметнулись к разбитому лицу, кувшин упал к ногам хозяина, горлышко отбилось. Нитха поспешно подняла разбитый кувшин – хоть по башке насильника ударить...

Из глотки хозяина вырвался вой, который захлебнулся в вине и превратился в хриплый кашель. По ухоженной бороде на чистую рубашку хлынуло вино пополам с кровью.

Одновременно с воплем старшего брата раздался крик младшего.

До сих пор тот, обернувшись, слушал умные речи. Но когда брат произнес слово «поменяться», Уншис не выдержал: крепче сграбастал пухленькую гостью – пока еще не надо меняться! – и приблизил усатую похотливую рожу к ее помертвевшему личику.

Тут наррабанка очнулась и забарахталась в крепких объятиях. Отбивалась она молча – голос отказал от ужаса. А когда совсем обезумела от смрадного дыхания на своем лице – вцепилась зубами насильнику в нос!

Уншис, не ожидавший такого отпора от робкой толстушки, взвыл (тут-то его голос и слился с воплем брата) и, выпустив жертву, закрыл лицо руками. Тхаи не стала ждать, пока этот ужасный человек опомнится. Она завизжала и припустила наутек.

Поминая всех демонов, Уншис кинулся вслед за ней. Нос его побагровел и кровоточил, глаза тоже налились кровью – от злобы. Перед глазами металась по женской спине длинная черная коса. Намотать эту косу на кулак...

Бедная толстушка с немыслимой для себя ловкостью полезла на высокую поленницу – единственное место, которое казалось ей спасением.

И тут же сильная мужская рука поймала ее за левый башмачок, потянула вниз...

Вот это Уншис сделал зря. Ой, зря!

Наррабанка истошно завопила, забарахталась, вырываясь... и на голову стоящему внизу незадачливому насильнику хлынула штормовая дровяная волна! Накрыла, опрокинула, повергла навзничь!

На поленнице спал, пригревшись на солнышке, громадный серый котяра, раскормленный так, как нельзя разжесться на мышах, – дело явно не обошлось без молока, сметаны и прочих хозяйских припасов. Хвостатый лодырь так разоспался, что даже ухом не повел на поднявшуюся во дворе суету. И пробудился лишь тогда, когда из-под него посыпались поленья.

Кот шмякнулся на раскатившиеся дрова, почувал под когтями что-то мягкое (щеку и плечо хозяина), от потрясения это мягкое крепко разордал и с дурным мявом дунул через двор к бане.

Оглушенный неожиданным градом тяжелых поленьев и резкой болью, Уншис тупо заворочался, попытался сбросить с себя дрова и сесть... и тут на него рухнула Тхаи. Прямо на голову – своей увесистой задницей.

Это зрелище так потрясло Нитху, обернувшуюся на крик, что она едва не упустила момент, когда ее собственный враг, пересилив боль, протянул к ней окровавленные лапищи, дрожащие от ненависти.

Замахиваться и бить мерзавца кувшином по голове было поздно. Охотница резко, снизу вверх выплеснула врагу в рожу то, что еще уцелело в кувшине.

Крепкое вино обожгло глаза и свежие раны, негодяй пошатнулся. Нитха метнулась прочь. Пробегая мимо разворошенной поленницы, девушка схватила за руку Тхаи:

– Живо! Бежим!

Обе наррабанки не перебежали – перелетели двор! Но у калитки их ждало страшное разочарование: на крепких петлях висел тяжелый замок.

Братья основательно защитили свое хозяйство от царящего снаружи беспорядка!

В запале Нитха рванула замок... глупо, конечно же, глупо...

– Сзади! – прокричала по-наррабански Тхаи.

Охотница обернулась.

На нее надвигался старший из насильников-братьев. Страшный, окровавленный, с разбитым лицом и багровыми глазами. В руках он держал топор, прихваченный у пленницы.

Шла месть. Шла смерть.

Тхаи, прижавшись к калитке, молилась вслух.

Нитха быстро огляделась. У забора, ближе к грядкам, стояла оставленная кем-то лопата с налипшими комьями земли. Охотница бросилась к ней, схватила с тем же чувством, с каким воин перед битвой выхватывает из ножен меч.

Топор взлетел и опустился. Нитха увернулась от удара и нанесла свой. Она целила в голову ребром лопаты, она била, чтобы убить!..

Рукоять крутанулась в ладонях, непривычное оружие ударило плашмя. Впрочем, и плашмя по сломанной переносице... о-о, это не было нежной лаской!

Насильник без чувств грохнулся к ногам юной наррабанки.

– Второй! – пронзительно крикнула Тхаи, прервав молитву.

Нитха сама уже видела, что через двор к ней бредет Уншис – с распухшим носом, с расцарапанной рожей.

Это зрелище не казалось девочке забавным. Что за дырн в руке у гада? Оглобля, что ли? Да, от этого лопатой не отмашешься!

И тут юную Охотницу осенило: она приставила лопату к горлу лежавшего без сознания насильника:

– Шаг сделаешь – и у тебя нет брата!

На миг обожгла ужасная мысль: а если младший мерзавец обрадуется случаю стать единственным хозяином дома и двора?

Но, похоже, братья жили дружно. Младший остановился и прохрипел с черной злобой:

– Не трожь, сучка наррабанская! Я за него тебя в ключья порву и свиньям скормлю!

– Обойдемся без крови, – жестко сказала Нитха. – Принеси ключ. Мы отопрем калитку и уйдем.

Уншис чуть помешкал, затем молча швырнул оглоблю наземь и направился к дому.

Тхаи тихонько заплакала.

– Держись! – сердито сказала Нитха. Она догадывалась, что сейчас рабыню нельзя жалеть. – Разнюнишься – косу выдеру!

Тхаи перестала хлюпать носом.

Ждать им пришлось недолго. Уншис спустился с крыльца, подошел к калитке, швырнул под ноги «гостям» ключ. Тхаи поспешно подняла его, загремела замком.

Когда калитка распахнулась, открывая путь к свободе, Тхаи осмелела настолько, что выдала гневную фразу по-наррабански и зло плюнула себе под ноги.

Нитха с наслаждением перевела:

– Да отвиснут ваши мужские причиндалы жалко и бессильно, подобно раздавленным жабам, и да станут они посмешищем для той, которая не побрезгует разделить ваше ложе!

3

Когда над лесом гремит гром и kloкочут потоки дождя, кто расслышит писк пичуги, укрывшейся в ветвях?

Когда город берется за оружие и бредит огнем и кровью, кто расслышит крик женщины, донесшийся из-за ставни каменного дома?

Однако слышали!..

Шенги с учеником шли в условленное место встречи с потерявшимися друзьями – в таверну «Лепешка и ветчина».

– Как рука, не болит? – на ходу заботливо спросил учитель.

Дайру сжал и разжал пальцы:

– Ноет, но слышится... я все думаю про рукопись. Зачем она им понадобилась? Домой вернемся – погляжу повнимательнее.

– Погляди, – рассеянно кивнул учитель, которого сейчас больше беспокоило другое. – Как бы Нургидан не влез в заваруху...

– Зачем ему? – быстро отозвался Дайру. – Король ему ничего не сделал, до кораблей ему дела нет...

Утешение прозвучало неубедительно. Охотник и его ученик знали: для Нургидана не требуется серьезной причины, чтобы влезть в драку.

– А Нитха-то, глупая девчонка! – сокрушался Шенги. – Говоришь, убежала от Рахсан-дэра?

– Он ее наверняка догнал! Может, оба ждут нас в трактире... Нам прямо или свернуть?

– Свернуть. Это улица Старого Менялы... На миг от вас нельзя отвернуться. А тут еще эта шайка на наши головы. Рукопись им подавай...

– При чем тащатся за нами от Издагмира. Это ведь они пытались забраться в нашу башню, сами сказали! Я им соврал, что рукопись сгорела.

– Правильно сделал. Хотела бы я знать...

Шенги оборвал фразу, остановился, глядя на дом – солидный, двухэтажный, из серого камня.

– В чем дело, учитель?

– Ты ничего не слышал?

– Нет, а что?

– В доме кто-то позвал на помощь.

Дайру недоверчиво глянул на хмурый особняк:

– Вроде тихо. Может, там муж с женой не ладили?

– И верно... К таким сунься – потом сам виноват окажешься.

Шенги мысленно выругал себя. Надо думать о пропавших учениках! И о Рахсан-дэре, который очутился в чужом городе в день бунта.

– Найдем наших, переждем суматоху в трактире, а потом... Стой! Сейчас – слышал?

Дайру встревоженно кивнул.

Да, он слышал пробившийся сквозь прикрытые ставни голос женщины: «Люди, помогите!...» И вскрик, полный боли и смертного ужаса. Вскрик, резко оборвавшийся...

Если это семейная ссора, то что там за муж такой?..

Шенги уже взбежал на крыльцо. Схватился за дверной молоток: массивная фигурка барана на цепочке. Хотел постучать, но вдруг замер... прислушался к чему-то – не в доме, а в себе, в своей душе... И опустил молоток.

У Подгорных Охотников с годами развивается чувство опасности. А кто не может похвалиться тем, что заранее чует беду, тот, как правило, вообще ничем похвалиться не может, ибо

достается в добычу голодному зверю за Гранью или становится жертвой бесчисленных ловушек, которыми так богаты складки спутанных миров...

– Давай-ка лучше под окно. Под то самое, откуда крик...

* * *

Мужчина и юноша не видели, как с другой стороны улицы, из такого же дома – тоже с запертыми дверями и ставнями, онемевшего, затаившегося, – сквозь щель между ставнем и подоконником за ним следили жадные темные глаза.

Рашшута Красная Земля, почтенная вдова бывшего смотрителя таможни, прекрасно видела, что творится возле дома напротив. Это вблизи пожилая женщина с трудом разбирает буквы и едва вдевает нитку в иголку. А вдаль она – ого, как молоденькая! К тому же со второго этажа, сверху, все видно замечательно.

Вот только приходится стоять возле окна на коленях. Ноги занемели, шея болит... Но разве отойдешь от окна, когда такое творится в городе? Толпа, хвала Безликим, с улицы схлынула, но продолжала куролесить где-то поблизости. А где шум и буйство, там грабежи. Умная вдова таможенного смотрителя в этом не сомневалась – и оказалась права. К соседям уже – вон, вон! – лезут воры!

Крепкий невысокий мужчина и белобрысый юнец остановились под окном. Мужчина подсадил юнца, тот дотянулся до плохо закрытой ставни, заглянул в комнату. Спрыгнул вниз, о чем-то взволнованно заговорил со старшим. Тот глянул наверх, кивнул. Снова подсадил парнишку, тот распахнул ставни, спрыгнул с подоконника в комнату. Старший сообщник, ухватившись за подоконник, легко подтянулся и последовал за ним.

В тот момент, когда руки грабителя легли на подоконник, Рашшута узнала этого человека – и даже взвизгнула от изумления.

Ах, вот это кто мародерствует, пользуясь беспорядками в городе! Про его лапищу с когтями весь Гурлиан наслышан! Не зря, стало быть, про него вчера всякие мерзости рассказывали: мол, из-за него в порту корабли со всеми матросами сгорели.

Но что же делать? Соседи – люди почтенные, надо бы им помочь... Приказать, что ли, Битюгу, чтоб взял дубину потяжелее да сходил через дорогу, заступился?

Ну нет уж! Отправить из дому единственного охранника? Дуры-рабыни и так пищат от страха! Да и вообще в такое скверное время лучше не отпирать дверь дома.

Зато можно открыть ставни, когда мимо пройдет стража. Ведь пройдет же рано или поздно! Обязательно пройдет, вон какие поблизости безобразия творятся, наверняка стража завернет на улицу Старого Менялы.

И не будь она, Рашшута, честной вдовой смотрителя таможни, если не распахнет окно и не расскажет «крысоловам» о двух грабителях, забравшихся в дом уважаемого и богатого торговца парусным холстом!

* * *

Кухня, в которую через окно попали Шенги и Дайру, была чистенькой и уютной. Но непрошенные гости не взглянули на выскобленный до белизны деревянный стол, на выметенную из очага золу в корзинке, на тщательно вымытые плиты пола.

Оба видели только тянувшийся по этим плитам темный след. И тело женщины, грудой осевшее у самого окна.

Судя по одежде – служанка. Маленькая, хрупкая, как кузнечик. Как же хватило у нее сил с раной под лопаткой проползти через кухню, отпереть ставни и дважды позвать на помощь? Вот только распахнуть тяжелые ставни женщина не сумела, лишь приоткрыла.

Шенги нагнулся, тронул левой рукой «жилу жизни» и мрачно качнул головой. Да, тело еще не успело остыть, но помочь несчастной было уже нельзя.

Дайру стоял с ремнем в руке, спокойный и собранный. Короткий взгляд на учителя, глаза в глаза. Эти двое поняли друг друга: да, мы не уйдем отсюда, пока не разберемся, что творится в этом доме!

Юноша двинулся было к высокой дубовой двери, распахнутой в темный коридор, но Шенги тронул его за плечо и взглядом указал на другую дверцу – узкую, обшарпанную.

Дайру стиснул зубы. Несмотря на серьезность ситуации, он чувствовал стыд: не взглянуть, что оставляешь за спиной!

Он приоткрыл узкую дверь, убедился, что за ней никого нет, быстро осмотрел небольшой тесный коридорчик: слева – запертый чулан, впереди – дверь черного хода. Она тоже заперта, но от ветхости расселась и потрескалась, в щели можно разглядеть дворик с хозяйственными постройками.

Вернувшись к учителю, Дайру в двух словах доложил о разведанном, и оба покинули кухню через дверь, на которой еще не запеклась кровь несчастной служанки.

Еще в коридоре они услышали впереди невнятный негромкий голос, а приблизившись к входу в трапезную, четко разобрали окончание фразы:

– ...то я тебя, как ту сучку!..

Зрелище, открывшееся глазам Шенги в щель между стеной и портьерой, развеяло бы все сомнения в происходящем, если бы такие сомнения еще оставались.

У дальней стены, вжавшись спинами в гобелен со сценой охоты на медведя, стояли двое: пожилой толстяк в темной одежде (руки его были связаны) и белокожая, длинношеяя, светло-волосая молодая женщина, похожая на породистую откормленную гусыню. Женщина обеими руками стягивала края разорванного лифа яркого платья и явно боролась с накатывающим обмороком. Над головой толстяка, не менее перепуганного, грозно вздымал лапы медведь с гобелена.

Если вышитая зверюга надеялась устроить хозяев и устроить чужаков, ей это не удалось.

Чужаков в трапезной было двое.

Грузный немолодой оборванец с обветренным лицом и сизым носом, похожий на выпивоху-моряка, задумчиво приглядывался к серебряному канделябру. Моряк не мог похвастаться ростом, а канделябр был прилажен высоко. После неудачной попытки дотянуться до вожаковой добычи моряк взял скамью и поволок ее к стене.

Второй грабитель был не стар, но лыс, как яйцо. Шенги видел лишь его затылок. Лысый грабитель, в такт словам помахивая длинным ножом, гнусаво убеждал пленников:

– А жизнь-то, она дороже денег! Деньги вы сызнова наживете, а с костра не встать. В Бездне-то гореть придется до-о-олго!

Он взмахнул руками, словно пытаясь обнять то невероятно долгое время, которое душе богача придется очищаться в огне, прежде чем Повелитель Бездны позволит ей вновь возродиться в человеческом теле.

Если уж грешник берется поговорить о посмертной каре за грехи, он, как правило, говорит выразительнее и убедительнее любого праведника...

Но в этот патетический момент рядом раздался стук скамьи.

Лысый недовольно обернулся к сообщнику:

– Кончай дурью маяться! Нам деньги нужны, а не эта кувалда, заляпанная воском!

«Их наверняка не двое, – думал Шенги. – Остальные, надо полагать, хозяйничают на втором этаже, вон лестница туда ведет... А где слуги, неужели все убиты?»

Он легонько толкнул Дайру к стене: мол, не высовывайся раньше времени!

– Так это ж сколько серебра! – строптиво возразил тем временем моряк.

– Ладно бы серебро, небось дешевка посеребренная.

– Как – посеребренная? – ахнул моряк при мысли о том, что человеческая натура может дойти до такой степени коварства и низости. Он свирепо обернулся к пленнику: – Говори, индюк бесхвостый, – это серебро?

Толстяк не ответил, глядя выкатившимися глазами за плечо лысому грабителю.

Лысый обернулся – и гневно оскалился.

– Это еще что за чудо? Господин отстал от королевского шествия?!

Шенги простодушно улыбнулся. Сейчас он не выглядел опасным: меча нет, когтистая лапа скрыта под наброшенным плащом.

– Я здешний новый домоправитель, – ответил он мягко. – И я не хочу ни для кого неприятностей... кстати, с праздником вас, господа мои!

– С празд... двести демонов тебе под шкуру! – рявкнул моряк. – Ты как сюда попал?

– Черным ходом, со двора, – застенчиво объяснил Шенги.

– Там заперто!

– У меня свой ключ.

– Вот что бывает, когда у подельников жадности больше, чем мозгов, – хмуро объяснил лысый моряку. – Я ж говорил: поставить кого-нибудь у входа! Так нет: заперто, заперто... Всех на добычу потянуло! Боятся, что лишний медяк мимо них уплывет!

– Да я... – вякнул матрос.

– Заткнись, соленая душа! А ты, – адресовался лысый к Шенги, – понял уже, что появился не вовремя?

Шенги скромно кивнул. Хозяева дома таращились на него, окончательно запутавшись в происходящем.

– Если не хочешь, чтоб тебя в лохмотья порвали... – мягко начал лысый.

– Не хочу, – быстро вставил Шенги.

– Тогда спокойно дашь себя связать. Ты же не станешь геройствовать?

– С какой стати? Добро хозяйское, не мое...

– Вот и славно... Свяжи его, морская душа!

Шенги двинулся через трапезную, заискивающе улыбаясь.

Матрос нагнулся к лежащему у стены мешку, принялся рыться в нем в поисках веревки.

Разогнуться грабитель не успел. Левой рукой Шенги вцепился ему в волосы, с маху ударил лбом о стены, отшвырнул, обернулся ко второму противнику.

А тот уже вскинул нож, глядит хищно и цепко. Видно ветерана уличных драк! А только и Шенги с детства учили не добрые нянюшки! Наперехват ножу летит когтистая лапа, вцепляется в кисть врага, сминая ее, выворачивая, пачкаясь в чужой крови...

А вот что гад заорал – это скверно. Сейчас примчится подмога.

Шенги, оборачиваясь к лысому грабителю, не заметил, как за спиной у него поднялся на ноги первый противник. Недооценил Охотник толщину и крепость матросского черепа!

Шенги не видел врага. Зато его видел Дайру!

Грабитель поднялся на ноги, тянулся за скамьей, заносил ее над головой Шенги – Дайру видел все это подробно, тягуче-медленно, пока бежал по бесконечно длинной трапезной...

Он успел, успел! Первый удар – по руке, держащей скамью. Отпрыгнул от скамьи, которая падала прямо на ноги, – и хлестнул разъяренного матроса, обернувшегося на удар, по башке.

Моряк оказался непрошибаемым бойцом, улечься на пол согласился только с третьего удара, пришлось Дайру потанцевать с ним по трапезной. А на шум уже спешили сообщники грабителей.

Шенги успел справиться с лысым воякой и встретил новых противников возле лестницы – плащ откинут, лапа на виду во всей красе.

Грабители, орудовавшие на втором этаже, вообще не ожидали посторонних, а уж знаменитый Подгорный Охотник и вовсе оказался для них таким же сюрпризом, как носорог в тронном зале или стражник в Гиблой Балке.

Тот из преступников, кто прибежал первым, остановился на верхней ступеньке. Его сообщник с разбега ткнулся ему в спину, едва не столкнув дружка вниз. Тот с трудом удержался, жестом отчаянья и испуга схватил стоящую возле лестницы глиняную расписную вазу со стеблями камыша и швырнул ее сверху в Шенги.

Охотник увернулся, ваза ахнула об пол у его ног, разлетелась в мелкие осколки.

– Ну, я ж вас... – выдохнул вспыхивый Шенги и, перепрыгивая через две ступеньки, устремился в погоню за дунувшими прочь грабителями. Дайру помчался следом.

* * *

Десятник Мрабиш Кошачий Глаз молча проклинал и свою работу, и праздник, и тех сволочей, что вздумали именно в этот день затевать беспорядки. Все «крысоловы» на улице, все при оружии, всем не до отдыха – даже если вчера твой десяток был в карауле...

При воспоминании о вчерашнем происшествии в карауле Мрабиш свирепо сплюнул и добавил к списку тех, кто подлежит проклятью, этого мерзкого уroda, Охотника с птичьей лапой. Теперь до старости будут сниться эти когти у виска... Что еще хуже, командир не один год будет насмехаться. А уж сотником стать – про это вообще лучше не думать!

Хорошо бы сегодня отличиться, показать себя! Глядишь, забыл бы командир о вчерашнем позорище...

Мрабиш огляделся. Вокруг солидные дома, их обитатели заперлись, вооружили слуг и пережидают грозу. Тихо, безлюдно, даже бродячий пес не прошмыгнет, словно чума ее выморила, эту улицу Старого Менялы...

Не успел Мрабиш это подумать, как по левую руку от него, на втором этаже каменного дома приоткрылась ставня.

– Эй, стража! – позвала из окна пожилая женщина. – Командир, эй!..

Мрабиш остановился.

– Что угодно госпоже?

– К моим соседям напротив – вон в тот дом – залезли грабители. К почтенному Намиверу, торговцу парусным холстом...

Энтузиазм десятника пошел на спад, как будто Мрабиш и не мечтал о подвигах.

– Сколько их?

– В окно влезли двое, а уж сколько через черный ход вошло – отсюда не видно.

– Да, верно... – У Мрабиша вконец испортилось настроение.

– Одного я узнала, – самодовольно заявила женщина.

– Да? И кто это?

– Тот Охотник, про которого разные байки рассказывают. С птичьей лапой.

Десятнику показалось, что он ослышался.

– Шенги Совиная Лапа?! Да не может такого быть!

– Ну да, я же слепая дура! – осерчала старуха. – Может, то не лапа была, а копыто! Или клешня! Или...

– Верю, верю! – счастливым, звонким голосом откликнулся Мрабиш. – Стало быть, хваленый Охотник под шумок грабежами занимается? Эй, парни! Покажем этой Подгорной Твари, что мы не забыли вчерашнее!..

* * *

То, что происходило в темном коридорчике второго этажа, и дракой-то назвать было нельзя. Просто Шенги налетел на одного из грабителей (того, что понахальней), двинул его чешуйчатым кулаком в солнечное сплетение, а левой рукой добавил ему в висок. Проверив по привычке, жив ли противник, Шенги оглядел коридор и убедился, что второго грабителя (того, что потрусливее) он упустил. Должно быть, парень нырнул в одну из комнат, пока Охотник поднимался по лестнице.

Шенги, вспомнив наконец о талисмане, коснулся серебряной пластинки под рубашкой – и словно свиток-карту перед ним развернули! Он обернулся к Дайру:

– Их трое, в разных комнатах. Да пошли они в болото, драться еще с ними!.. Если сунутся, тогда дело другое... Пошли вниз, надо развязать хозяина. И стражу позвать.

– Стража тут... – напряженным голосом сказал Дайру, прислушиваясь к чему-то.

Шенги вскинул голову, негромко помянул Многоликую и быстро подошел к закрытому ставнями полукруг- лому оконцу. В щель видна была улица перед домом. Но даже если распахнуть ставни, отсюда не увидеть было, что делается у входной двери: мешал навес от дождя.

Впрочем, Шенги не нужно было ничего разглядывать. Хватало того, что он слышал.

– Афгир, Приблуда – выбить дверь! – неслось снизу. – Вескат и Лепешка – вперед, Фариторш и Дрозд прикрывают с арбалетами. Осторожнее с Совиной Лапой! Помните, как он вас вчера?.. Можете его живым не брать, сам виноват, раз на краже попался!.. Чего копаетесь, остолопы?

– Дверь больно прочная, – откликнулся басом кто-то из «остолопов».

– Вчерашний... – с досадой выдохнул Шенги.

– Уходить надо, – отозвался Дайру, который знал о недавних приключениях учителя. – В какой из комнат нет бандитов? Если без драки, то успеем спрыгнуть во дворик.

Учитель, сам принявший такое решение, тронул серебряную пластинку под рубахой:

– Вот эта комната!

И бросился к ближайшей двери. За ним поспешил ученик, на ходу застегивая пряжку ремня, чтобы прыгать со свободными руками.

Небольшую комнатку, которая, видимо, служила хозяевам гардеробной, Шенги перешагнул в два прыжка, мощным ударом высадил ставни, крикнул Дайру:

– Давай за мной!

И, перемахнув через подоконник, спрыгнул во внутренний дворик.

Дайру хотел последовать за ним... вот тут-то и обнаружилась ошибка учителя!

Талисман честно ответил на вопрос: грабителей в комнате не было. Но Шенги не спросил, есть ли здесь кто-нибудь еще...

В шкафу маялся угрызениями совести старый слуга, укрывшийся там от злых чужаков.

То ли он решил, что преступники уже спасаются бегством, то ли до его слуха долетели отголоски криков стражи... В старике разыгралась отвага и, выскочив из шкафа, он вцепился в плечи Дайру.

Юноша вывернулся из его рук и крепко врезал невесть откуда взявшегося противнику в солнечное сплетение.

Старик отлетел к окну и обвис на подоконнике. Морщинистое лицо посерело, губы без крика хватили воздух.

Дайру замер в нерешительности, глядя на того, кто загораживал ему путь к бегству. Узкая грудь неровно вздымается под поношенной рубахой. Кадык ходит по морщинистой тонкой шее, которую обхватил кожаный ошейник с именем хозяина.

Оттолкнуть его от окна? Но бедняга так вцепился в подоконник, что пальцы побелели.

Еще раз ударить старого человека? Ну уж нет... да и убить можно ненароком. Заговорить? Он сейчас ничего не поймет...

И Дайру решил. Он крикнул через голову старика, чтобы услышал учитель:
– Уйду другой дорогой! Не жди меня, беги!

Оставив комнату, он спустился по лестнице и поспешно пересек трапезную, на ходу отмечая, что оба грабителя, моряк и лысый, лежат, где брошены. А женщина, похожая на гусыню, всхлипывая, теребила узлы на веревке, пытаясь развязать мужа – или это ее отец?

Дайру не сказал хозяевам дома ни слова, сразу прошел в прихожую. Дверь уже держалась на одной петле и полувыдранном запоре.

Юноша поспешно встал справа от косяка – и вовремя! Дверь грохнулась на пол.

Ручища «крысолова» сгребла Дайру за грудки. Он ожидал чего-то подобного и пронзительно заголосил:

– Ой, господа стража!.. Ой, боги вас принесли!.. Грабят нас! Хозяина связали! Хозяйке платье порвали! Кухарку – и ту зарезали!.. Ой, помогите, ради Безликих!.. Там, наверху!.. Сундуки ломают!..

Стражник, не выпуская свою добычу, с прищуром глянул на юнца.

Дайру знал, что сейчас видит «крысолова». Идиотски вытаращенные глаза, дрожащие от страха губы, растрепанные белесые волосы, добротная одежда – и ошейник.

Раб, выросший в доме. Хозяйский любимчик. Перепуганное ничтожество.

Стражник брезгливо отбросил мальчишку к стене:

– Не путайся под ногами, молокосос!

Дайру выждал, пока стражники прогрохотали мимо него через прихожую в трапезную, и выскользнул в открытый дверной проем.

«Не велят путаться под ногами – не будем...»

* * *

Хастан Опасный Щит вновь стоял у окна и глядел на изученные до малейших подробностей дворцовые шпили. В последнее время это занятие вошло у него в привычку.

Да, отсюда открывался дивный вид... но не видно, эх, не видно было черных полос дыма над городом. Даже самый ближний храм – святилище Того, Кто Зажигает и Гасит Огни Человеческих Жизней, – расположен так, что из комнаты Хастана не увидеть пожара.

Посланник с утра пораньше побывал в этом храме. Молился истово, хоть в душе и веровал по старинке в Морского Старца. Незачем гневить Безликих сверх меры, особенно если затеваешь кощунственное дело.

Когда Хастан вышел из храма и обернулся на купол в форме ладоней, сложенных жестом защиты... что ж, посланник утешил себя тем, что это красивое здание серьезно не пострадает. Рядом дворец, а значит, пожар погасят быстро.

Остальные храмы Хастан обходить не стал. Вернулся на Серебряное Подворье, объявив свите (так, чтобы слышали «репы»), что будет молиться у себя в комнате.

Сейчас посланцу хотелось невозможного. Хотелось подняться на крышу, прихватив верную подзорную трубу – тяжелую, бронзовую, с хорошими наррабанскими линзами. И осмотреть город.

Впрочем, верфи отсюда и в трубу не увидишь...

По лицу бывшего моряка скользнула гримаса. Он вспомнил давний визит на другие верфи. Вспомнил лежащий на берегу корабль, похожий на скелет кита: лишь киль да шпангоуты.

Впрочем, как известно посланнику, здешние обреченные корабли почти достроены.

Обреченные корабли...

Сколько раз приходилось видеть капитану Хастану, как уходит под воду вражеский корабль! Зрелище это не доставляло ему удовольствия, хоть он и был победителем.

Дело было не в морях, что цеплялись за обломки и вопили, видя острые плавники, кругами ходящие по волнам вокруг места крушения. Это вздор. Людишек на свете и без того развелось предостаточно. Эти потонут – бабы других нарожают, дело нехитрое.

А вот корабль – каждый! – это неповторимое чудо. Его гибель – трагедия.

Уничтожить судно, которое еще не знало ветра в парусах, это хуже, чем убить дитя в утробе матери, с внезапной горечью подумал Хастан. Гораздо хуже...

Разумеется, эти сантименты не имели никакого значения. Если бы понадобилось, посланник своими руками забросил бы факел на борт, еще пахнувший свежей стружкой.

* * *

Шенги услышал сверху голос ученика – и тихо выругался. Что он выдумал, этот молоко-сос? Какую еще «другую дорогу»?

Конечно, учитель волновался бы куда больше, если бы на месте Дайру был Нургидан. Потому что дорогу Нургидана легко угадать: напролом и насквозь! А Дайру – тот может выдумать, еще как может! И все равно, как оставить мальчишку, не проверить, выкрутился тот из передраги или нет?..

Настороженно, словно волк на деревенской околице, Шенги добрался вдоль стены до двери черного хода. Она была заперта, но чего стоит хлипкий замочек против пяти длинных прочных когтей?

Шенги не лгал лысому грабителю. У него действительно был при себе ключ, причем подходил он не только к этой жалкой дверце!..

Охотнику не понадобилось даже входить в кухню. Еще возле чулана он услышал издали пронзительные вопли. С таким голосом Дайру мог бы стать уличным торговцем!

– Ой, господа!.. Грабят нас!.. Ой, помогите!..

В мгновение ока Охотник уразумел две вещи. Во-первых, его умный ученик наверняка выкрутится из беды. Во-вторых, он, Шенги, – просто дурень. Сам же учил ребят: доверяй напарнику! Раз он кричит: «Беги!» – значит, надо бежать. А теперь время упущено...

Шенги вылетел за дверь. Ему не надо было прикидывать расстояние через двор до калитки (замок которой еще надо взломать) или до конюшни (которую наверняка обыщут). Он просто отбросил оба эти варианта.

К счастью, стражники задержались на кухне: с грохотом передвигали мучной ларь, заглядывали в холодный очаг: не спрятался ли там хитрый преступник?

Шенги истратил короткое время, подаренное ему противником, на то, чтобы обернуться к каменному желобу-водостоку, ползущему от крыши до канавки, прорытой по краю двора, и начать карабкаться по нему вверх, как по стволу дерева.

Он не надеялся спрятаться от стражников на крыше. Разумеется, крышу тоже захотят обыскать. Но у него будет хотя бы возможность вести переговоры через запертый люк – и никакой ретивый балбес его не пристрелит.

Охотник взбирался вверх быстро и ловко, хотя подъем был не из легких. Доведись ему лезть на настоящее дерево, острые когти были бы великолепным подспорьем, но по камню они скребли, не сразу находя удобные выбоинки.

Если бы за приключениями Охотника наблюдал праздный зевака, он, пожалуй, удивился бы: почему беглец до сих пор не скинул плащ? Тяжелая суконная вещь должна бы сковывать движения, а своя шкура куда дороже самого недешевого плаща!

Тем не менее плащ не был помехой ни во время драки, ни при прыжке из окна, ни сейчас. Коричневое сукно с меховой оторочкой как-то очень ловко текло по стене, словно плащ

поднимался сам, без помощи хозяина. Зеленая заплатка сверкала с темного капюшона, словно горящий азартом глаз.

Охотник уже добрался до второго этажа, когда из двери черного хода во двор выбежали четверо «крысоловов».

Двое тут же направились к конюшне, один заглянул за поленницу, а четвертый, с арбалетом, остался внизу, держа на прицеле двор: мало ли откуда вылезет грабитель?

Шенги замер. Трудно было удерживаться на замшелом скользком желобе.

Арбалетчик тупо торчал у распахнутой двери, не слыша врага над головой. Шенги порадовался за «крысолова»: его счастье, что не подался в Подгорные Охотники, а то пошел бы тварям на корм, орысина тупая.

Будь во дворе не стражники, а враги вроде разбойников, Шенги прыгнул бы во двор и ушел, оставив за спиной четыре трупа. Но эти парни служили королю и закону, а с королем и законом охотник ссориться не хотел. Да и всегда лучше обойтись без убийств.

Двое стражников у дверей конюшни спорили: кому лезть на сеновал? Арбалетчик заинтересовался, сделал несколько шагов в их сторону, чтобы лучше слышать перебранку. Шенги решился: отчаянным рывком достиг карниза. Крысоловы, увлеченные ссорой, ничего не заметили.

Крыша, на грайанский лад плоская, была аккуратно выметена и уставлена ящиками, в которых росла какая-то зелень и неяркие осенние цветы. Но Шенги интересовали не эти свидетельства домовитости здешней хозяйки, а две очень неприятные вещи. Во-первых, люк, ведущий на чердачную лестницу, был распахнут. Во-вторых, возле этого люка топтался некий тип потрепанно-бродяжьего вида, наружности весьма примечательной: с плоским теменем и почти без шеи, словно его сверху крепко приплюснули кузнечным молотом.

Грабитель при виде Шенги едва не прыгнул обратно на чердак, но снизу уже доносились голоса погони.

Охотник поспешил принять командование на себя.

– А ну, люк закрыл, живо! – приказал он вполголоса. – Наставим сверху ящиков, чтоб не выломать было...

Сказано это было негромко, но выразительно. «Приплюснутый» испуганно дернулся, грохнул тяжелой крышкой и вцепился в ближайший ящик. Шенги поспешил ему помочь. В четыре руки они забаррикадировали люк – и вовремя: снизу в него крепко ударили.

– Дальше куда? – тихо спросил «приплюснутый».

Шенги подумал, что союзник, хоть и временный, заслужил шанс на спасение.

– Я поведу переговоры. Попробую объяснить этому дуралею, что я тут ни при чем. А ты ползи вон туда. – Шенги кивнул в сторону края крыши. – В рост не вставай, со двора заметят. Вдоль крыши – карниз, широкий такой. Растянись там и лежи тихо, как дохлый голубь. Я тебя не выдам.

– Ага...

Тут Охотник вспомнил мертвую служанку и темный след через всю кухню, от двери до окна. Не убийцу ли он одарил поспешным милосердием?.. Но что сказано, то сказано.

Шенги повернулся к люку, который вздрагивал в такт ударам, и возвысил голос:

– Эй, «крысоловы»! Я хочу говорить с... – Охотник не сразу припомнил имя своего вчерашнего неприятеля. – С десятником Мрабишем. Я...

Что – «я», Шенги не успел объяснить, ибо краем глаза увидел, как тень, комочком сжавшаяся на темной крыше, вдруг распрямилась, приняла очертания человеческой фигуры, резко взмахнула рукой...

Забыв о переговорах, Шенги упал набок, перекатился, уходя от узкого и длинного ножа, снизу вверх ударил ногами, угодил каблуком в пах «приплюснутому». Тот взвизгнул, согнулся

пополам, хватая ртом воздух. Нож куда-то улетел. Удар по ногам – грабитель растянулся ничком и замер, почувствовав у горла когти.

Шенги склонился над человеком, который только что пытался его убить.

– Это что за пляски на лужайке? Ты чего железом размахался?

– Ярвитуш... – вытолкнул грабитель из перехваченной ужасом глотки.

– Что – Ярвитуш?

– Десять золотых... за тебя...

Шенги присвистнул. Все стало ясно.

Старый знакомый, проспавшись после зелья, развязывающего язык, пришел в ужас: он же выдал секреты «ночного хозяина»! Наверняка неприятна ему была и мысль о том, что Охотник знает о тайнике в планке дверного косяка.

Десять золотых, да? Очень, очень хорошие деньги. Странно, что за Охотником не таскается по городским улицам армия бродяг, желающих заработать.

Под пальцами Шенги застыло горло врага. Парализованное страхом горло, забывшее, как дышать...

И что с ним дальше делать, с пленником-то?

Будь на месте Шенги, скажем, наемник, – добил бы грабителя, глазом не моргнув. И по своему был бы прав.

Но Шенги не был наемником. Он был Подгорным Охотником, знатоком прозрачных складок с их причудливыми, изменчивыми законами. Когда-то Лауруш учил его драться и владеть мечом... но ведь – для защиты! Приходилось, правда, и убивать порой... так ведь приходится убивать, когда в твоих потрохах собираются порыться отточенным железом! Или, что еще хуже, с тем же самым железом суются к ученикам!

Но чтоб так... безоружного, беспомощного, в полуобмороке застывшего под когтями...

Шенги забыл о люке, на котором от ударов содрогались ящики с землей. Не слышал проклятий и угроз, которые неслись сквозь щели крышки.

Когти нетерпеливо шевельнулись. Чужая злая воля, все еще скрытно живущая в лапе, хотела крови. Это помогло Шенги решиться. Кто тут главный, в конце-то концов? Он или эта чешуйчатая коряга?!

А тут еще пленник обрел голос и просипел:

– Праздник же...

Шенги расхохотался и убрал лапу.

– Очень, очень смешно! Когда на грабеж шли – святой праздник не вспоминали... – Тут Шенги посуровел. – Не ты ли, крыса помоечная, служанку убил?

«Приплюснутый» истово замотал плоской башкой:

– Нет! Это Голый Череп!.. Я никого... я никогда...

Шенги поверил. Не потому, что разбойник казался искренним. Просто в этот миг в ушах Охотника зазвучал другой голос. Гнусавый властный голос человека, который весьма доволен собой:

«...Я ж тебя, как ту сучку...»

Шенги глянул на пленника. Сквозь зрачки его смотрела сама Судьба, которая вдруг решила смириться.

– Ползи к карнизу, не выдам. Найдут тебя – так уж суждено, не найдут – благодари Безликих.

На роже ошавшего от счастья «приплюснутого» светилось горячее желание благодарить Безликих от этого мгновения и до последнего вздоха. Не сказав ни слова, незадачливый грабитель пополз к карнизу, стараясь, чтобы его не видно было со двора.

А Шенги нагнулся над люком, вслушиваясь в происходящее на чердаке. Лицо Охотника, тревожно-напряженное, вдруг расплылось в улыбке. Потому что там, где только что бранились

и грозили не то четверо, не то пятеро «крысоловов», теперь властвовал один голос. Незнакомый, пронзительный, с привизгиванием, свирепо-гневный... чудесный голос!

– Колоды еловые! Да утопит вас Многолика в трясине! Да я до короля дойду! Я с вашим сотником знаком... я сегодня же...

Толстенький хозяин дома оказался человеком понятливым и порядочным. Да, во время налета грабителей он от страха потерял всякое соображение. Но когда возле лица перестал маячить нож, а с рук спали веревки, толстяк осмыслил увиденное, преисполнился благодарности и побежал вырывать Совиную Лапу.

– До вас, «крысоловов», не докричишься! Пока бы вы соизволили пожаловать на шум, и меня бы зарезали, и жену бы изнасиловали, и сундуки бы вывернули! А он... из всего города – один... пришел, заступился...

– Может, он с другими разбойниками добычу не поделил? – с упрямой надеждой буркнул Мрабиш.

– Молчать!.. Если вы хоть пальцем... если хоть одна царапина... клянусь, вы все до последнего костра будете Гиблую Балку патрулировать, уж я расстараюсь... попрошу Хранителя Города... А ты, недоумок, полюбуйся на свою бляху десятника, недолго тебе ее носить осталось!.. Ах да, с Совиной Лапой еще парнишка был, тоже бил грабителей. А ну, рассказывай, куда вы парнишку дели!

От всей широты своей счастливой души Шенги посочувствовал невезучему десятнику.

– Эй, Мрабиш! – крикнул он в щель. – Не грусти! Твой десяток повязал банду, верно?

И, подцепив когтями тяжелый ящик, в котором курчавилась морковь, поволок его с крышки люка.

* * *

В переулке, где очутились Нитха и Тхаи, и впрямь была драка, но она закончилась еще до того, как героические нахрапки отбили атаку насильников.

Теперь они шли меж заборов, враждебно поднявшихся справа и слева, мимо запертых наглухо ворот и калиток. Ближе к Тележной улице им не раз пришлось шарахнуться от лежащего на земле мертвого тела, но когда они удалились от места сражения, город принял почти обычный облик, даже прохожие стали появляться. Правда, вид они имели настороженный, шли поспешно, явно мечтая поскорее очутиться под защитой прочных стен.

Куда брели нахрапки? А куда глаза глядят. Правда, понимала это лишь Нитха. Рабыня полностью доверилась своей спутнице (а может, просто боялась задать вопрос). Она шла, на шаг отстав от Нитхи, и торопливо, сбивчиво рассказывала о жизни в Нарра-до, где она была не столько рабыней, сколько подругой юной красавицы Сайкеши.

Нитха слушала краем уха. Ей не было дела до того, как бедняжка Сайкеши, оставшись круглой сиротой, вышла замуж за гурлианского купца. Девушке хотелось приказать Тхаи заткнуться. Но она понимала, что этот словесный поток вызван потрясением, которое только что перенесла рабыня. И может смениться чем угодно – например, слезами. Нет уж, пусть лучше говорит...

Сама Нитха останавливала каждого встречного и пыталась его расспросить. Отвечали ей односложно и неохотно. И каждый ответ все вернее нагонял беспро– светную тоску. Девочке казалось, что она вечность бродит по этому страшному городу. На самом деле их путь продолжался не так уж долго и лежал по закоулкам вдоль Тележной и Шорной улиц.

Нитха кляла себя за то, что заговорила с Тхаи там, возле горящего храма. Однако бросить свою беспомощную спутницу на произвол судьбы ей даже в голову не пришло.

Но тягостному кошмару пришел конец. Если в городе трудно найти человека, то медведя в нем отыскать все-таки немножко проще.

Какой-то старик, окинув наррабанок удивленным взглядом, бросил пару фраз и махнул рукой. Нитха, призвав на голову почтенного старца благословение всех богов, поспешила туда, куда указал этот взмах.

Тхаи спешила следом. На ходу она продолжала рассказ о том, как купец уехал, а Сайкеши, оставшись без мужа с грудным сыном на руках, вынуждена была распродать почти все оставшееся после отца добро – кроме верной рабыни; как обе зарабатывали на жизнь вышиванием платков; как соседки наперебой советовали Сайкеши найти богатого покровителя. Но госпожа честно ждала возвращения мужа. И маловерные были посрамлены: купец Дейшагр вернулся и забрал жену и сына к себе в Гурлиан...

Нитхе не довелось услышать описание морского путешествия в Аргосмир: впереди раскатилось басовитое, недовольное рывканье потревоженного зверя.

Наррабанки переглянулись и со всех ног помчались вперед.

На бегу Нитха молилась: «О Гарх-то-Горх, сделай так, чтобы циркачи запомнили мальчишку! Пусть дадут хоть крошечную зацепку! Снова начинать поиски... на пустом месте... Отец Богов, я не выдержу!»

Циркачей они обнаружили там, где указал им прохожий. Двое мужчин и медведь забились меж высокими заборами, причем медведя люди поставили перед собой, чтоб никто к ним не сунулся. Здоровенный бурый зверь недовольно глядел на подбежавших девиц.

Мужчины, пристроившиеся у зверя за спиной, выглядели так, как и подобало выглядеть циркачам: броско и нелепо.

Высокий, плечистый старик был одет в наряд из шкур и держал в руках узловатую дубину. Нитха догадалась, что старик изображает дикого силуранского тролля.

Второй циркач, моложе и ниже ростом, красовался в жилетке из собачьей шкуры и в шапочке с болтающимися тряпичными ушами. Физиономия была размалевана так, что походила на добродушную морду пса.

– Добрые люди, – с надеждой выдохнула Нитха, – не видали ли вы мальчугана лет пяти, в желтой рубашке и черных штанишках, сам смуглый такой?..

Циркачи переглянулись. Затем «человек-пес» обернулся (стало видно, что к штанам его пришит собачий хвост) и достал из буйно разросшихся лопухов черноволосого малыша в перепачканной желтой рубашке. Малыш тер кулачками заспанные черные глазенки.

Тхаи гортанно вскрикнула, всплеснула руками, кинулась к своему сокровищу. Она бесстрашно протиснулась между забором и медведем, даже не глянув вниз, словно у ее ног был мешок с мукой, а не зверь. Выхватив ребенка из рук циркача, она прижала его к себе, называя своим белым верблужонком, сладким дождиком, юным принцем...

«Юный принц» недовольно вертелся в ее руках: явилась нянька, восхитительное приключение окончено!

– Вот и славно! – умилился «дикий тролль». – Мы как раз думали: что нам с этой находкой делать? Как потасовка началась, вся мелюзга по домам брызнула, а этот остался... Ишь, как бабенка причитает! Мать?

– Няня... – охрипшим голосом ответила Нитха. Ей хотелось сесть на землю прямо рядом с чернозубой медвежьей мордой. Из тела словно вынули все косточки.

Но школа Подгорного Охотника взяла свое.

Что это она, Нитха, раскисла? Она жива и цела. Подумаешь, пришлось надавать по мордам паре недоумков! Видали тварей и пострашнее! А теперь эта дуреха разыскала своего «белого верблужонка». И самое время поскорее от нее избавиться.

– Кто живет ближе – мать ребенка или бабушка? – строго спросила девушка по-наррабански.

Няня оторвалась от замурзанного сердитого чада и собралась с мыслями.

– Храм в той стороне, да? Вон, еще дымит... Наверное, бабушка. Она живет в конце Звонкой улицы, у нее ворота расписаны синими дельфинами...

«Дикий тролль», который, оказывается, понимал наррабанский язык, оживился:

– Я знаю Звонкую улицу! Там от поворота до поворота ремесленники с металлом работают, потому и улица Звонкой зовется. Ворота с дельфинами... да это же дом вдовы чеканщика Дейзура! Добрая старуха, между прочим! В позапрошлом лето пустила меня в сарай переночевать. Я тогда еще не с этим зверем ходил, а с медведицей. Вот она и пустила нас с Красоткой на ночлег...

«Человек-пес» сощурился, что-то прикидывая в уме.

– Добрая старуха, говоришь? А если ей любимого внучонка живым представить, так небось не только на ночлег пустит, а и денег отсыплет, сколько не жалко, а?

Нитха перевела эти слова на наррабанский. Тхаи расцвела, закивала: конечно, старая госпожа добра и щедра, она любит внука...

Договорились быстро – и маленький отряд тронулся в путь по улочкам беспокойного города. Впереди «человек-пес» с медведем на цепи, следом Тхаи, что-то напевающая своему ненаглядному маленькому господину. Завершали процессию «тролль» и Нитха.

Да-да, девочка не смогла оставить свою новую знакомую. Хотя циркачи и показались ей славными людьми, но все же спокойнее будет самой убедиться, что Тхаи и ребенок доставлены под крылышко доброй старой госпожи...

– Устала? – заботливо спросил «дикий тролль», заметив, как бледна девочка.

– Немножко.

– Хочешь, понесу тебя на руках?

– Нет, спасибо! – поспешила отказаться Нитха, с ужасом представив себе, как известие о ее проступке дойдет до Рахсан-дэра. Дочь Светоча – на руках у чужого мужчины!

– Ну, тогда помочь не смогу, – хохотнул «тролль», правильно истолковав смущение девочки. – Разве что не испугаешься прокатиться на спине Ревуна, он у нас смирный...

Блистательная перспектива – прокатиться на медведе! – заставила Нитху забыть обо всем, включая гнев воспитателя. Какой там Рахсан-дэр! Такое раз в жизни бывает!

– С удовольствием!..

4

На каменистой неровной дороге, идущей вдоль морского берега, одна толпа нагнала другую. Два отряда мятежников смешались под одобрительные крики, хохот, веселую брань. Люди отбросили последние сомнения, они шли вершить святую месть. То, что их стало больше, они сочли знаком свыше. Разумеется, им все удастся, они размечут в щепки проклятые корабли, построенные против воли богов. И содрогнутся на своих тронах правители, и вспомнят они, что превыше их власти – власть Безымянных! Сейчас мятежники были не торговцами, ремесленниками, рыбаками, а бесстрашными воителями на стезе великой битвы! Да-да, так и назвал их жрец-вождь!..

Увы, так и было. Бедняга Шерайс, смекнувший, что удрать не удастся, а увещевать безумцев опасно для жизни, смирился с ролью главаря мятежников и время от времени произносил пышные фразы, на которые толпа откликалась довольным ревом.

– Я боялась, Шершень не успеет пригнать к нам свое стадо, – негромко сказала остроликая женщина тому нищему, что недавно вмешался в разговор жреца со стариком-прихожанином.

Жрец Шерайс не напрасно подумал, глядя на женщину: «Ой, шука!» Именно так и называли эту особу все, кто ее знал.

Сейчас Шука взглядом искала в толпе чужака, занявшего на время ее мысли.

– Слушай, Патлатый, ты не знаешь... этот Шершень у нас корни пустит – или так, перелетная птица?

– А тебе что за печаль, моя королева? – ревниво откликнулся нищий. – Всякая лесная сволочь в столицу лезет, а Жабье Рыло их прикармливает. Понаехали тут!.. Ну, за каким болотным демоном этого пришлого поставили командовать городскими удалцами?

– Опять ты за свое? – одернула Шука «городского удалца». – Говорила же я тебе: не вякай насчет Шершня и его дружков! Раз Жабье Рыло велит – наше дело хлопнуться навзничь, уткнуть нос в землю, подобрать хвост под брюхо и не скулить.

– Это понятно, но ты же могла ему сказать...

– Я? Да кто я такая, чтобы он меня слушал?

– Ты хозяйка Гиблой Балки, ты королева нищих, ты госпожа столичной рвани, – с чувством произнес Патлатый.

Женщина не улыбнулась на лесть.

– Гиблая Балка – это канава, доверху засыпанная человеческим мусором. А хозяин у нас один. И раз он велел спалить корабли...

– Спалим, моя королева, не сомневайся. А только лучше бы тебе уйти, еще пришибут ненароком...

– За вашим братом не приглядишь, так вы самое простое дело испоганите, – убежденно сказала Шука. – И раз уж я здесь...

Договорить ей не удалось: впереди возникло волнение, шум, крики. Королева нищих и ее вассал переглянулись и прибавили шагу.

Они оказались рядом с Шерайсом в тот самый миг, когда протолкавшийся к жрецу высокий моряк сообщил «предводителю мятежников»:

– Впереди дорога перегорожена... что будем делать, святой человек?

* * *

Сотник Батуэл Кожаная Перчатка из Рода Хоутвеш, отвечавший за порядок на верфи, был поражен, когда на берег примчался гонец и сообщил, что разъяренная толпа идет жечь корабли.

Да неужели Безликие допустили такое в собственный праздник?!

Впрочем, на Безликих пусть сетуют жрецы, а его, сотника, дело – уберечь верфи.

Обычно в праздничные дни работа затихала, лишь два десятка наемников приглядывали, чтоб голытьба из округи не воровала доски. Но сегодня на берег должен был пожаловать король со свитой, а потому работа шла полным ходом. Главный мастер посулил рабам щедрый ужин, а свободным рабочим – добавочную плату за этот день... но чтоб при высоких гостях не то что беспорядка – даже кислых рож не было!

Поэтому под рукой у Батуэла сегодня было сорок наемников.

– Десятников ко мне! – рявкнул командир.

Вокруг расплзался шепоток, расправлялись согнутые спины: новость облетала берег.

– Айвеш, прикажи запереть рабов по баракам, – хмуро распорядился сотник. – На мастеров это дело не сваливай, сам пригляди... не хватало нам удара в спину!

Пожилый наемник с бляхой десятника кивнул и удалился, на ходу сзывая своих людей.

– Тагиаф, вели открыть оружейную, раздай парням луки и арбалеты. Рабочим... ну, пусть они хоть по дубине возьмут, мало ли на верфи дерева! Никому не позволю стоять в стороне от драки!

– А если кто не захочет? – уточнил Тагиаф, лишь недавно ставший десятником.

– Что значит – не захочет? По уху его! Ты десятник или белошвейка? Учить я тебя должен? С новобранцами ты тоже цацкаешься?.. Ах, нет? Вот и перед этими нечего раскланиваться. Считай, что они – твои новобранцы... Эй, Фарибиш...

Тут сотник оборвал фразу.

Батуэл собирался отдать приказ, который мог сломать ему жизнь.

Чуть помедлив, он сказал четко:

– Выпрягайте коней из подвод. Опрокидывайте телеги, закрывайте вход с обеих улиц. Туда же бревна тащите, стройте завал – от дома к дому... мышь чтоб не пролезла!

Работа закипела. Батуэл был серьезным командиром и держал в сотне порядок.

Завал рос на глазах, и сотник позволил себе взвесить: что он поставил на кон?

Если гонца послал какой-то дурак-паникер... если мятеж – просто буйство подвыпившей толпы... если стража уже усмирила крикунов и шествие продолжает путь...

Что ж, тогда он, Батуэл, конченный человек. Не сотник, даже не десятник... скорее всего, каторжник, роющий дренажную канаву, стоя по пояс в трясине. Не один год придется плясать с лопатой вместо подружки! Ибо трудно ждать милосердия от короля, который, восседая на золотых носилках, проплывая над праздничным городом, вдруг обнаружит перед собой завал из бревен и досок, с которого в него целятся лучники...

Конечно, тут уж фантазия сыграла с Батуэлом скверную шутку. Разумеется, первыми явятся «щеголи», расчищающие путь для процессии. И лучников Батуэл успеет убрать. А вот прочный, на совесть сложенный завал в два счета не размечешь. Шествию придется остановиться и ждать, пока перетрусивший сотник освободит путь своему государю...

Страшная картина. Но, заслоняя ее, стоит перед глазами другая, еще ужаснее.

Разгромленные верфи, убитые рабочие, пылающие корабли. И грозное лицо Хранителя: «А что ты сделал, Батуэл Кожаная Перчатка, чтобы спасти имущество Трех Престолов, доверенное тебе? Ведь ты был извещен о мятеже!»

И тут уже пожизненная каторга, если не удавка палача...

Батуэл напрягал слух, стараясь сквозь шум работы на завалах услышать пение рогов, извещающее город о том, что шествие подошло к очередному храму.

Но вместо трубного рева сотник услышал крик наемника из третьего десятка, посаженного на крышу ближнего дома, чтобы высматривать врага:

– Они идут! Храни нас Безликие, они уже идут!

* * *

Казалось бы, трактирщику Юнфалу надо радоваться, когда в его заведении полно народу.

Но это когда за столами шумят веселые компании, жадно требуют мяса и вина, щедро сыпят медь и серебро. В округе живут в основном ремесленники, постоянные гости Юнфала. Они умеют поесть и повеселиться. Вот за такое нужно благодарить Безымянных!

А если в городе мятеж и таверна набита случайными прохожими, которые решили переждать сумятицу под крышей «Лепешки и ветчины»? При чем ни пить, ни есть они не собираются. У них и денег-то, пожалуй, нет: просто мимо шли...

Сидят, переговариваются негромко, словно боятся, что их услышит кто-то недобрый. Шепоток летает от стены к стене, разговор не разбирает своих и чужих: всех объединила общая тревога. Общее желание, чтобы смута передвинулась дальше. Все равно куда, лишь бы скорее выбраться из таверны, добраться до дому, до своей безопасной норки, без риска, что тебя по ошибке заберет стража, ограбит распоясавшийся уличный лиходея или просто накатит уличная драка, в каких особо не разбирают, где свой, а где чужой.

У трактирщиков не принято гнать взащей из заведения человека, который сидит и ничего не заказывает. Будешь выставять на улицу всякого, кто, скажем, решил дождь переждать, – пойдет о таверне дурная слава: мол, хозяин – жмот негостеприимный.

Вот Юнфал и потчует гостей, скрывая под медовыми словами колкую неприязнь:

– Не проголодалась ли госпожа? Может, пирог с рыбой или парочку жареных голубей?.. Ну, если почтенная госпожа не голодна, так, может, ее сын чего-нибудь съест?.. Ах, это не сын, а муж?.. Умоляю простить мою ошибку, но кто бы мог подумать... Кто хам? Я хам? Разве я сказал хоть одно грубое слово? Не хотите еду заказывать – сидите так, мне не жалко... Эй, парень, а у меня свежее пиво! Хмельное, пенное, и налью почитай что даром – по медяку за кружку!.. Что, не надо?.. И то верно, кого я спрашиваю, откуда у тебя медяку взяться? Папаша, ты тут так славно устроился – может, тебе поесть принести?.. Нет?.. Ну-ну, сиди, раз тебе нравится мой потолок разглядывать... может, он у меня особенный, потолок-то... Добро пожаловать, молодой господин, место найдется! Будут ли распоряжения насчет обеда?

– Будут. Жареное мясо и вино.

Брови Юнфала приподнялись. Наконец-то нормальный посетитель! Молодой еще, совсем юнец, а держится властно, уверенно. Похоже, из знати. И одет не бедно...

– Отборная свинина, сочная, нежная! А вино такое, что и наррабанскому Светочу не стыдно к столу подать! – посулил Юнфал, радуясь, что хоть у кого-то сегодня кусок в горло полезет. Дай ему Безликие здоровья и аппетита, этому зеленоглазому красавчику!

Трактирщик повернулся, чтобы сбегать на кухню и распорядиться насчет мяса и вина... и понял, что обрадовался рано.

До сих пор неприятности плескались вокруг «Лепешки и ветчины», но в таверну не залезали даже брызги. Но теперь в трапезную по-хозяйски вошла самая настоящая, полновесная неприятность.

Посетители бочком-бочком придвинулись к стене, освобождая путь четверым парням, возникшим на пороге.

Старшим явно был лохматый детина с наглым взглядом и намотанной на запястье цепью.

Чуть позади него спокойно стоял крепкий, с проседью мужчина, в котором по осанке можно узнать наемника.

Рядом высился третий, годами помоложе и видом попроще. Этаким долговязый и жилистый крестьянский сын, из тех, что на медведя с рогатиной ходят.

Из-за плеча наемника выглядывал рябой молокосос с возбужденно горящими глазами, но его трактирщик и взглядом не удостоил, нюхом почуяв мелкую рыбешку.

Никакого оружия, кроме цепи у главаря, не было видно ни у кого из этой четверки. Но «не видно» еще не значит «нету».

– Кто такие? – шепотом спросил трактирщик у вышибалы, очень вовремя возникшего рядом.

– Люди Жабьего Рыла, – быстрым шепотом ответил тот. – За старшего – Потрох, у которого цепь...

– Да что им надо-то? – тихо изумился хозяин. – Я вроде дань исправно плачу.

Но компания, стоящая у порога, не соизволила даже поздороваться с хозяином. Так же холодно и презрительно оглядывали недобрые гости притихшую трапезную.

– Который длинный, того Орясиной кличут, – успел пробормотать вышибала, – а наемника я не знаю...

Тут Потрох соизволил открыть рот.

– Эй, Редька! – бросил он небрежно. – А ну смотри – который?..

Рябой молокосос с готовностью вылетел из-за спины главаря. Голос его срывался на визг от мстительной радости:

– Вон тот! Который в красной рубаше!.. Который у окна!..

– Цыц, – степенно оборвал его наемник. – Поняли уже.

И вся компания неспешно прошествовала через таверну. Ни нарочно, ни случайно никто не оказался у них на пути. А за их спиной, в дверях, возник человеческий водоворот. Люди молча работали локтями, пробиваясь к выходу.

«Лепешка и ветчина» перестала быть приютом и убежищем.

Те немногие, кто остался в таверне, жались к стенам. Осторожность деловито шептала им: «Уходить пора!» Но громче, навязчивее был горячечный говорок любопытства: «Ой, что сейчас будет, что будет!...»

И зеваки жадно глядели на то, как грозные пришельцы остановились перед темноволосым юношей в красной рубаше. Их разделял стол. Юноша снизу вверх смотрел на подошедших. В его доброжелательном взгляде не было даже тени страха.

Потрох пренебрежительно глянул на нарядного юнца и обернулся к своему рябому спутнику:

– Ты что это, Редька, шутки шутить вздумал? Мы-то решили, что тебя серьезный боец обидел. Уж с этим сопляком и сам разобраться мог! Может, следующий раз нас кликнешь, чтобы отшлепать пятилетнего карапуза? Других дел у нас нет, особенно сегодня!

– Да ладно тебе! – беззлобно перебил его наемник. – Мы ж не крюк делали – мимо шли! Так чего бы по пути не поучить нахала?

– Верно говоришь, Чиндаг! – подхватил Орясина. – И сами потешимся, и гаденыша поучим. Ишь, ухмыляется, словно ему бродячий балаган комедию ломает!

Потрох развел руками – мол, что уж с вами, парни, поделаешь! – и обратился к улыбающемуся юноше:

– Кто ж ты таков будешь, молодой господин, и откуда на наши головы свалился?

– С улицы забрел, через дверь вошел, – приветливо отозвался юноша. – А зовут меня Нургидан Черный Арбалет из Рода Айхашар.

– Из знати, стало быть? – тоном грозного обличения воскликнул Орясина.

Трактирщик, бочком-бочком подобравшийся к стойке и приготовившийся за нее нырнуть, похолодел при этих словах. Стало быть, ему, Юнфалу, предстоит неприятный разговор со стражей: как это в «Лепешке и ветчине» очутился труп знатного юноши?

А будущий труп знай себе ухмылялся, явно не чувствуя, что над ним сгущаются тучи.

Потрох скорбно покачал головой – мол, тяжелый случай! – и спросил:

– Ты зачем, господин, нашего Редьку обидел?

– Это вон того, рябого? – уточнил Нургидан. – Да ты глянь на него получше, тебе ж самому захочется ему по морде съездить!

Потрох невольно оглянулся на рябого – и поперхнулся словцом, которое было готово сорваться с языка. Похоже, ему и впрямь захотелось съездить Редьке по морде.

Наемник Чиндаг хохотнул, а Орясина возмутился:

– Ты бы, господин, сначала спросил, кому Редька служит!

– Да, – приосанился рябой. – Жабьему Рылу!

Чиндаг молча отвесил дурню затрещину. Да, у каждого сейчас это имя на уме, никто не ошибся... но вслух-то зачем «ночного хозяина» называть?

– Запомню, – покладисто кивнул Нургидан. – Так впредь и буду делать, как вы, люди добрые, научили. Захочу кого-нибудь отлупить – первым делом его спрошу: на кого работаешь? Он ответит: на Жабье Рыло. Только после этого начну его бить. Не раньше.

Наемник Чиндаг от души расхохотался. Орясина пытался понять, что происходит. А Потрох, не привыкший к подобным речам, наливался гневом:

– Ты что, змееныш, вздумал надо мной шутить?

– Кто ж над тобой еще пошутит, как не я? – ответил Нургидан тоном человека, исполнившего свой нелегкий и неприятный долг.

– Так... – страшно выдохнул Потрох.

Цепь словно сама соскользнула с его запястья, метнулась в лицо дерзкому Сыну Рода.

Движение было стремительным и незаметным, как бросок змеи.

Незаметным для любого, кроме Нургидана.

Цепь легла в его подставленную ладонь так точно, словно два циркача долго отрабатывали этот трюк.

Потрох, не ожидавший рывка, дернулся вперед, словно поклонился знатному наглецу. Нургидан вскочил так резко, что скамья отлетела назад, свободной рукой поймал противника за лохмы и крепко приложил физиономией об стол.

Потрясенные зрители еще и воздух не успели выдохнуть, а наемник Чиндаг уже подхватил стоящую рядом тяжелую скамью, взметнул ее над головой.

Удар убил бы юношу, как муху, но тот с невероятным проворством юркнул под стол. Скамья гулко грохнула по столешнице – и тут же, почти так же гулко, грохнулся на пол наемник: Нургидан, высунувшись из-под стола, дернул его обеими руками под колени.

Нургидан вскочил на стол, пнул по руке Орясину, который сунулся к нему с ножом, и поймал на лету блюдо, брошенное в него Редькой.

– Эге, приятель, твоя рука уже не болит? – крикнул он весело и швырнул блюдо в Орясину.

И началась потеха!

Юноша в красной рубахе закружился по столам, с хохотом уворачиваясь от протянутых рук и летящих в него мисок, кувшинов, блюд. Он был легок, как пламя, – и, как пламя, его не взять было голыми руками! Он плясал по таверне, как факельный язык на ветру. Он нырял под столы, выныривал с другой стороны и, перепрыгнув назад через столешницу, успевал дать пинка тому из преследователей, кто сдуру совался за ним под стол.

Зевакам это зрелище доставляло уйму радости... до тех пор, пока Потрох не рывкнул:

– Эй, кто в таверне – всем ловить мерзавца! Кто по углам будет отсиживаться – уши отрежу! А кто его поймает, тому золотой!

Вот тут зрители и пожалели, что дали любопытству завести себя так далеко. Но спорить со страшным Потрохом не решился никто. Только Юнфал попытался забиться под стойку. Но Орясина за шиворот извлек его оттуда и пинком отправил в гущу драки.

Вот тут Нургидану пришлось туго. Одно дело удирать от четверых – это забава, веселая игра. Но когда к тебе тянется столько рук сразу...

К выходу было не пробиться, и Нургидан рванул по деревянной лестнице на галерею второго этажа. Сюда выходили двери комнат, которые хозяин сдавал постояльцам. Юноша решил уйти через одну из комнат, в окно.

Погоня столпилась на нижних ступеньках, мешая друг другу. Нургидан оторвался от преследователей и пронесся по галерее, дергая на ходу ручки дверей.

Увы, все двери были закрыты. Тупик! А погоня уже топала по лестнице так, что хрустели старые ступени...

Нургидан ухватился за перила, опоясывающие галерейку, и рванул их. Гвозди вылезли из трухлявого дерева, и в руках юноши оказался большой кусок перил с резными балясинами. Взмах – и преследователи посыпались с галереи в трапезную. Нургидан смел их вниз, словно метлой.

Выбираясь из барахтающейся человеческой кучи, Потрох с ненавистью прокричал:

– Ты, сволочь, у меня в ногах будешь ползать!

– Договорились! – отозвался с галереи Нургидан. – Только сперва пол подмети!

А Чиндаг не тратил времени на перебранку. Он успел побывать на кухне и вернулся с огромным вертелом, еще недавно украшавшим большой очаг. Солидный тяжелый вертел, на который будет просто здорово насадить этого наглого мальчишку, словно свинью!

Чиндаг поднял вертел, словно копье для броска, привычно качнул его в воздухе, оценивая вес, и решил не бросать эту непривычную штуковину в противника, а подняться по лестнице и тяжелой железякой размолотить трухлявую деревяшку в руках змееныша.

И тут кто-то ударил наемника под руку. Вертел улетел в сторону. Чиндаг в ярости обернулся – и встретился взглядом с белокрысым парнем в ошейнике раба.

В азарте драки Чиндаг не подумал о том, откуда взялся парень, которого только что не было в трапезной. Раз в ошейнике – значит, здешний слуга. Испугался, придурок, что в таверне произойдет смертоубийство...

– Пошел вон, – бросил наемник, ища взглядом вертел. – Я с рабами не дерусь.

– Мне повезло! – обрадовался белокрысый и снизу вверх двинул Чиндага кулаком в подбородок. Наемник лязгнул зубами, взмахнул руками и брякнулся на пол.

Нургидан, хоть и отбивал на галерее второй натиск преследователей, все же углядел происходящее внизу, оценил удар и вскинул левую руку в жесте одобрения.

Юнфал, подобрав брошенный наемником вертел, вознамерился было ринуться на гостя, сломавшего перила на галерее. Но Дайру метко отправил в полет медный кувшин – и полет этот завершился на башке трактирщика.

Тут в трапезную влетела девчонка-служанка и заголосила:

– Ой, стража!.. Ой, «крысоловы» идут!..

Бой разом прекратился. Все молча ломанулись к выходу. Никому не хотелось объяснять страже, почему они гонялись по таверне за незнакомым Сыном Рода.

Потрох и его компания ушли со всеми. Сейчас не время было сводить счеты. Еще вчера можно было сунуть «крысоловам» несколько монет и учтиво попросить: «Парни, не поднимайте бурю, не тревожьте жаб на болоте!» Сегодня такой номер не прошел бы.

Перед уходом Потрох обернулся и прокричал наверх, на галерею:

– Еще поквитаемся, парень! Береги морду!

– Моя морда к вашим услугам, господа! – учтиво откликнулся с галереи Нургидан.

Сын Рода покидал таверну последним. Не то чтобы ему хотелось объясняться со стражей – просто Нургидан чувствовал себя победителем, а в такие мгновения его лучше не торопить.

Трактирщик, потирая ушибленную башку (к счастью, он не заметил, кто именно метнул в него кувшин) потребовал, чтобы Сын Рода заплатил за учиненный разгром. С чего это молодому господину взбрела в голову причуда – ссориться с людьми Жабьего Рыла, да еще в такой беспокойный день?

Нургидан не прочь был бы небрежно швырнуть хозяину кошелек и удалиться с гордо задранном носом. Но друг помешал ему сделать глупость.

Очень серьезно и значительно Дайру сообщил трактирщику, что за деньгами тот может явиться на Фазаньи Луга, к Аргидану Золотому Арбалету из Рода Айхашар, властителю Замка Западного Ветра, который по приглашению короля прибыл на воинские игрища вместе с двумя старшими сыновьями и отрядом наемников. Только пусть уважаемый трактирщик не забудет рассказать, как в его заведении какие-то бандиты едва не убили младшенького, любимого сына властителя Аргидана. После чего властитель трактирщику заплатит... если сочтет нужным.

Юнфал сплюнул и махнул рукой.

* * *

– Их горстка! Жалкая горстка! А нас – море! – надрывался Шершень.

Но толпа, отнюдь не чувствующая себя морем, отхлынула от завала, оставив на земле несколько пробитых стрелами тел.

Шершень свирепо выругался. Он очень рассчитывал на первый порыв мятежников, на ту крылатую ярость, когда никто не думает о жизни и смерти – только о цели, что впереди. Тогда толпа превращается в кулак, который не то что завал из бревен – каменную стену разнесет ко всем демонам!

Но это – первый порыв...

А если толпа отброшена, она перестает быть единым целым. Распадается на отдельных людей, не очень-то храбрых. А главное, они думать начинают! На штурм надо идти с чувствами, причем с такими, чтоб грудь изнутри рвали. А мысли только мешают!

Ничего. Прямая атака – лишь один способ добраться до кораблей. Шершень все-таки попытается ее повторить. Найдет, чем взбодрить струсившее стадо! (Кстати, где жрец Шерайс, почему не слышно «святого человека»?) Но есть и другой путь...

Шершень оглянулся, нашел глазами Шуку (толковая баба, не хуже Лейтисы!) и с удовольствием отметил, что рядом крутится мелкий главаришко Айсур, ловит взгляд Шершня, так и рвется на подвиги...

Вот и славно. Для подвигов всегда дураки найдутся.

– Шука, где Шерайс и Лейтиса? Пусть поговорят с людьми.

– Лейтиса уже говорит, а Шерайса что-то не видать... не смылся ли?

– Вели своим, чтоб искали.

– Уже велела.

– Айсур, возьми несколько удалцов. Пока мы тут отвлекаем стражу, вы пролезете на ту сторону и подпалите корабли под носом у стражи. Да не в одном месте надо пролезать, а в двух-трех, чтоб хоть в одном удалось.

– Угу, я уже мозговал. Лезть на завал глупо, через крыши – опасно. Если снимешь тех, кто засел на крыше, тебя с соседних крыш стрелами забросают.

– И до чего домозговался?

– Идти сквозь дома. Войти в дверь, выйти на той стороне через окно. Тихо, скрытно, незаметно, чтоб стражу не переполошить.

– Я и сам так подумал. Молодчина, парень. Бери людей и действуй.

* * *

– А стражников что-то не видно... – выглянул Дайру из щели меж двумя заборами.

Это укрытие юноши облюбовали, чтобы следить за подходами к «Лепешке и ветчине». В любой момент могли подойти Шенги, Нитха или Рахсан-дэр.

– Их и не будет, – догадался Нургидан. – Служанка нарочно закричала, чтобы прекратить драку.

– Да, ложная тревога. На языке ворья это называется «солому палить», – уточнил эрудированный Дайру. – О, глянь, кто идет!

По улице, направляясь к таверне, шла Нитха.

Когда она поравнялась с засадой, ее схватили, затащили в щель меж заборами и потребовали отчета в недавних приключениях.

Отчиталась Нитха коротко: мол, помогла няне-нар– рабанке найти пропавшего ребенка и проследила, чтоб малыш был отведен домой. Про братьев-насильников она не сказала ни слова, справедливо полагая, что напарники (Нургидан уж точно!) немедленно отправились бы на поиски мерзавцев, чтобы размазать их по двору.

Рассказ Нургидана, несомненно, был бы красочнее и пышнее, но ему не суждено было прозвучать, потому что следующим заговорил Дайру – и его история произвела сенсацию!

– Ты бросил учителя? – возмущался Нургидан.

– Да с ним наверняка все в порядке, – оправдывался Дайру.

– Надо пойти туда и узнать!

– А если учитель как раз идет в «Лепешку и ветчину»? И мы разминемся?

Все притихли.

– Вернитесь в таверну и оставьте у хозяина записку для учителя, – предложила Нитха.

Ее напарники невесело засмеялись.

– Представляю, что он сделает с этой запиской, – вздохнул Дайру.

– А в чем дело? – Нитха проницательно взглянула ему в лицо. – Вы что-то натворили?

– А почему мы в этой крапиве торчим, а не в таверне обедаем? – вопросом на вопрос ответил Дайру.

– Там кое-что поломалось, – объяснил Нургидан. – И хозяину по черепу кувшином прилетело.

– Нельзя вас без присмотра оставить! – возмутилась Нитха. – Тот пятилетний карапуз, которого я искала, и то без няньки лучше себя вел, чем вы, верблюды здоровенные!.. Вы говорили трактирщику, кого ждете?

– Нет, – хором ответили «верблюды».

– Тогда в чем дело? Я пойду в таверну, дам хозяину монетку и напишу письмо для Шенги и Рахсан-дэра. Трактирщик ведь не знает, что я вожусь с такой дурной компанией, как вы.

– Правильно придумано, – кивнул Дайру.

А Нургидан добавил с уважительным удивлением:

– Надо же! Такая умница – а никто и не догадывался...

* * *

Айсур припал к земле. Он жалел, что не пошел с Лейтисой. Сейчас на соседней улице та бьется в рыданиях у чьей-то двери, уверяет хозяев, что попала в толпу случайно, не смогла выбраться их живой лавины... умоляет спасти ее, укрыть... И ведь откроют, такая она хитрая бабенка, эта Лейтиса!

Ему, Айсуру, никто дверь не отопрет, хоть бы он на крыльце кровью истекал. Сдохнет так сдохнет, кому до этого дело? Айсур давно понял: городской люд глупо брать на жалость.

Парень представил себе, как вон в том доме, за дверью, любовно расписанной маками и ромашками, собралась вся семья. Кто они? Рыбаки? Плотники с верфи?... Мужчины взялись за топоры, женщины успокаивают детей – а сами, как волчицы, готовы броситься в бой за свое логово.

Здешнему люду нет дела до воли Безликих, о которой кричат краснобаи-подстрекатели. Они понимают одно: на их окраину нагрянула беда. Свирепая орава, размахивая факелами, хочет перекатиться через их дома – дальше, на верфь... Корабли-то ладно, Многолика с ними, с кораблями... но что, если попутно сожгут и родную хибарку, без всякого гнева спалят, мимоходом, или разграбят под шумок?

Айсур четко представил себе семейку по ту сторону двери. И зло рассмеялся.

Боишься, сволочь домовитая? Вот так же боялись дорогие соседushки из Рыбачьей Слободки, которые из страха перед заразой спалили дом вместе с умершей женщиной и оставили без крова двоих пацанят!

Правильно боишься, хозяин, правильно трясешься за свою хибару! Айсур-недокормыш уже здесь!..

Меж двумя домами – крошечный садик. Родня, должно быть, рядом живет, вместе садовничают. Вот в этом садике, за облетевшими кустами смородины, прячутся Айсур, Айрауш, Вьюн и какой-то незнакомый мятежник. Айсур и лица-то его не разглядел – некогда было рассматривать того, кто прибил к маленькому «отряду» в последний миг. Заметил рыжие волосы, вот и все.

Сейчас этот рыжий держится позади, но вроде не трусит...

Айсур и его сообщники лежали тихо, не показывались засевшему на крыше лучнику.

Зато орава парней, выбежавших к дому со стороны уличного завала, наоборот, всячески старалась привлечь внимание стражника.

– Эй, «крысолов»! – вопил Чердак, бесстрашно корча стражнику рожи и не заботясь о том, что сверху его можно достать стрелой. – Покажись, красказавец! Засел на крыше, как таракан на тарелке... Не боишься, что Безликие молнией шарахнут? Уж больно мишень хороша! Чего вылупился, как рыбина на сковородке? Радуетесь, что уселся выше короля? Или тебе оттуда видать, кто сейчас у тебя дома имеет твою жену?

Айсур порадовался красноречию приятеля. Недаром Чердак мечтает стать сказителем!

Но стражник не оценил бойкой речи. Он выстрелил – и промахнулся. «Крысоловы» отнюдь не славились меткостью в стрельбе. Хороших лучников среди них было – раз-два и обчелся. Причем этих «раз-два» городское ворье знало в лицо. На всякий случай.

Отскочив от вонзившейся в землю стрелы, дурашливо изобразив страх (или спрятав под дурашливостью настоящий испуг), Чердак во все горло начал делать предположение о такой же меткости «крысолова» и в прочих делах: куда, мол, он жене целится, а куда – попадает.

Возможно, лучник постоял бы за честь городской стражи и пристрелил бы наглеца, но хохочущая орава засыпала его камнями. В Бродяжьих Чертогах любой малыш, едва встав на ножки, учился обращаться с пращей.

Айсуру некогда было любоваться представлением. Подав знак сообщникам, он перебежал садик и вдоль стены дома добрался до крыльца. Стражник, уворачиваясь от града камней, не заметил сверху маленький отряд.

Айсур указал на дверь. Здоровяк Айрауш понятиливо закивал, дал брату подержать свою дубинку, поднялся на крыльцо и умело, сноровисто сдернул дверь с петель.

Вьюн восхищенно охнул. Да, боги обделили Айрауша разумом, но для того, чтобы быстро и без лишнего шума выломать дверь, нужен не ум, а сила и сноровка. Айрауша этому делу обучал лучший взломщик Аргосмира.

Дверь не упала с грохотом на крыльцо, а легла плавно, мягко: Айрауш ее придержал.

Хозяева, хоть и слышали вокруг дома шум и крики, все же оказались не готовы к вторжению бродяг в свою «крепость». Но очень быстро опомнились и дали врагам отпор.

Да, все было именно так, как и представлял себе Айсур. Отец и сын, оба крепкие и сильные, были вооружены топорами с короткими топориками – не оружие, плотницкий инструмент. Но в комнате с низким потолком боевые топоры были бы бесполезны, а топориками хозяева орудовали ловко, отец даже выбил из рук Айрауша дубинку – но тот, взревев, подхватил тяжелый табурет и начал отбиваться лихо и отчаянно.

Вьюн не вступал в схватку: проскользнул мимо дерущихся, кинулся к закрытому ставням окну – и разочарованно завопил:

– Тут «немой»!

Ставня и впрямь была заперта на замок (именуемый в Бродяжках Чертогах «немым сторожем»). А «разговорить немое» Вьюн не успел: на него с визгом набросились две женщины, старая и молодая. Визжать-то визжали, но до того бойко орудовали разной домашней утварью, что Вьюну пришлось туго.

Айсур даже не пытался помочь брату или приятелю. Он вообще не стал ввязываться в драку: не затем сюда пришел. За пазухой – кремь, огниво и маленький мешочек с горючим составом. В душе – яростное желание показать себя. А впереди – корабли!

Пусть брат и Вьюн с боем прорываются к окну. Может, им и удастся выломать ставни. Сам же Айсур попробует другой путь.

Вожак маленькой шайки распахнул боковую дверь. Как он и предполагал, за нею был чулан – и маленькая лесенка на чердак. Айсур одолел ее в два прыжка.

На чердаке, пыльном и заваленном старым хламом, было бы темно, если бы солнце не светило в крохотное оконце... хвала богам, не запертое!

На миг уколола совесть: Айсур бросал младшего братишку на произвол судьбы. Но тут же парень утешился мыслью о том, что брат все равно бы не пролез в узкое оконце. Это путь только для Айсура-недокормыша.

А уж вид из окна и вовсе сделал его счастливым. Далеко на горизонте краешком видно море, его заслоняют деревья, а внизу все густо заросло великолепным, замечательным лопухом и желтеющим бурьяном. Айсур прошмыгнет здесь, как мышь по амбару! А прыгать не так уж высоко. Он парень ловкий, чего ему бояться?

Земля приветливо подалась навстречу, сверху не свистнула стрела («крысолова» еще развлекла компания с пращами). Сейчас ползком через лопухи – вон под те деревья. А дальше...

Никакого «дальше» не было. Из лопухов рванулись тугие веревки, больно ударили по ногам, опрокинули, повалили...

Из-за деревьев с хохотом вышли двое – судя по виду, рабочие с верфи. Их поставили охранять этот кусок «линии фронта». Смекалистая парочка придумала расстелить в бурьяне сеть. И ловушка сработала!

– Ты глянь! – веселился один из них. – Ну и рыба в сеть угодила! Ай да улов!

– Паршивый улов, – отозвался второй, резко поддернув край сети (отчего Айсур, попытавшийся встать, вновь растянулся в траве). – Мелкий да костлявый.

Айсур хотел сказать, что хороший рыбак мелкий улов выбрасывает назад в море. Но рабочие, бросив шутки, принялись заматывать добычу в сеть.

Отчаянно барахтаясь в опутывающих его веревках, Айсур ухитрился достать нож. Сеть, старая и гнилая, легко поддалась лезвию. Вывалившись в дыру, парень ткнул ножом наугад, попал в мягкое (один из рабочих завопил) и вскочил на ноги.

Двое мужчин с ненавистью глядели на юнца, который был по грудь любому из них. У одного по левому рука – ву текла тонкая струйка, но он не унимал кровь, не спуская глаз с

незваного гостя и щерясь с волчьей злобой. В руках оба держали обломки досок. Айсур понял, что этими штуковинами его сейчас забьют насмерть.

Уличный грабитель прижался к стене, вскинул нож, готовясь дорого продать жизнь.

И тут что-то коснулось его щеки.

Веревка! Чудесная, длинная веревка, сброшенная из чердачного окошка!

Айсур не стал гадать, кто ее скинул – брат или Вьюн. Он выронил нож и с проворством наарабанской обезьяны или аргосмирского вора взлетел вверх. Рабочие попытались его остановить, но не успели, только один двинул юнца доской по ноге.

Айсур даже боли не ощутил. Ушел! Спасен!

Чьи-то руки ухватили за плечи, помогли протиснуться в узкое оконце.

Тот рыжий, что прибил к их маленькому отряду!

– Ну, выручил, век не забуду... – начал Айсур.

И покачулся от крепкого удара кулаком в лицо. Даже искры из глаз посыпались.

– Ты, сучонок вороватый, – негромко сказал спаситель, – тут твоих дружков нету, можно и поговорить. Сказывай: где мой кошелек?

Испуганный Айсур только сейчас узнал это смуглое лицо и ярко-рыжие волосы...

5

Море рокотало.

Мирный шум прибоя отражался и усиливался в черном каменном гроте, словно в гигантской раковине, и превращался в рычание гневного зверя. А дымно-горький, вонючий, совсем не морской воздух был дыханием этого чудовища.

Щегол прижался щекой к толстому железному пруту. Решетка! И за этой решеткой затаился зверь, злобный, голодный, готовый растерзать. Он дышал на добычу густой вонью, он выжидал, он был рядом...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.